
ЧАЛАСЛАВ
В ЗЛОМ

В злом

Жанр произведения: Детектив
Произведение написал автор BookBox Чаласлав 4alaslav@gmail.com
Ссылка на публикацию

День первый

Пролог

От блеска

Грозы высь вновь

Осатанела.

Так резко

Вдруг с облаков

Упало тело.

Меж зданий

В проулок глянь:

Окурки, банки.

И грязной медузой там

Растёкся ангел.

Бугор не дослушал, поморщившись. Лениво повернулся к амбалу и указал глазами. Амбал сообразил и шагнул от двери к сидящему Сержу. Мгновенье злобы на тупом лице. Уф, нормальный такой тычок — аж зубы клацнули. Серж сначала ощутил лопатками спинку стула, а потом и стену затылком.

Когда гул в голове унялся, Серж попытался повторить более спокойным тоном:

— Вы взяли не того. Я ничего не знаю…

Бугор вздохнул и осведомился:

— Тебя связать?

Серж замолчал, медленно выдохнув сквозь сомкнутые губы. Амбал отточенным движением вернулся к двери и вытянулся, расставив ноги. Бугор понаблюдал за Сержем, не дождался ничего, требующего применения насилия, и бросил амбалу:

— Следи за ним.

Бугор повернул пузо к выходу и пошёл. Амбал услужливо открыл перед ним дверь. И снова замер. Серж поймал его взгляд. Хмурый барьер был непроницаем. Серж опустил глаза. Он — пленник, и неизвестно сколько это продлится. Не верится. Какой-то сюр.

Амбал расправил плечи и уставился в одну точку. Шмелём гудела желтоватая лампа. Они промолчали некоторое время, прислушиваясь к звукам из-за стен. Хмурость сменилась скукой. Когда амбал принялся прохаживаться по периметру комнаты, Серж попробовал заговорить снова. Максимально вкрадчиво. Постарался надавить на жалость:

— Слышь, братушка, не губи, ну. Ты же видишь: реально взяли не того. Помоги, а? Я вообще не в курсах…

— Заткнись. — Без злобы. Настороженно.

Бритая голова взметнулась на толстой шее. На Сержа амбал даже не посмотрел.

— Ну, пойми. Ну, незачем… — ныл Серж.

Амбал шагнул и коротко треснул его по губам несжатым кулаком. Наотмашь. Как комара. Во рту железо. Серж замычал, схватившись за губу.

— Да, тихо!

Только тут Серж понял, что амбал нервничал. Прислушивался.

Амбал распахнул дверь и выглянул. Потом и вовсе вышел в коридор.

— Что там? — спросил он кого-то. Кто-то неразборчиво ответил.

И вдруг по стене прошёл звук. Высокий вибрирующий треск, как по трубе отопления, куда под давлением ливанули кипяток.

Серж дёрнулся, но стены умолкли. Однако на загривке встопорщился ёжик волос. Серж догадался, что привлекло внимание амбала — такие же утробные

взвывы, едва различимые, но явственные, доносились из дальних оконечностей здания. И они приближались.

Пол завибрировал и взбрыкнул, толкнув Сержа в подошвы. Ножки стула на секунду повисли в воздухе. Серж вскочил и метнулся в дверной проём.

Выйдя в коридор, он увидел двух взволнованно переговаривающихся братков. Амбал заметил Сержа, насупился и ткнул в него пальцем, гаркнув:

— А ну, вернулся!

Но тут пол подскочил снова. Ухватившись за дверную ручку, Серж удержался на ногах. В отличие от братков. Толчок был каким-то горизонтальным, землетрясение так себя не вело.

Ноги подкосились, и Серж всем весом навалился на ручку. Тряска стихла, но возникло ощущение, как в метро, когда поручень едет быстрее эскалатора. Дверь убегала. Сначала медленно, а через пару секунд вдруг мгновенно ускорившись, дверь вместе с петлями и обналичниками рванула вдоль коридора вправо. Пятка Сержа, находившаяся в проёме, получила такой удар, что он крутанулся на месте, чирканув щекой штукатурку, а амбала вообще раскрытой дверью снесло, как щепку.

Серж сообразил, что держится руками за стену там, где должен зиять дверной проём. Но как? Серж увидел лицо второго братка. Тот дико округлил глаза и бросился в бегство. Серж оглянулся в направлении его взгляда и тоже стартанул.

Труба коридора со слуховым окном в торце стала сокращаться, стремясь сомкнуться, сгребая по мере движения столы, кадки с растениями и этажерки, пылившиеся у стен.

Серж на бегу перепрыгнул тушу амбала и увернулся от ещё одной распахнутой двери. Над головой громко лопались лампы. На Сержа посыпалась бумажная труха. Запершило во рту. На бегу Серж понял, что потолок опускается, орошая всё под собой хлопьями крошащегося армстронга.

Не думая ни о чём, кроме спасения, он нёсся по коридору к выходу. Впереди некоторые двери проламывались выдавливаемые уменьшающимися или двигающимися рамами. Заглядывая в проёмы, Серж видел несущиеся на него стены с клыками выбитых стёкол в сминающихся прямоугольниках окон.

Лестница, нужно как можно быстрее добраться до лестницы.

По макушке заехала железяка. Поскальзываясь на лоскутах шпаклёвки, Серж пригнулся и понял, что уже не может бежать во весь рост. Обрешётка из металлопрофиля для крепления навесных потолков цепляла голову. А сколько ещё оставалось бежать, было неясно. Коридор, казалось, растягивался, или, к ужасу своему подумал Серж — он, не заметил, как миновал лестничный пролёт.

Бежать приходилось, уже переломившись пополам.

Серж не выдержал, рискнул и остановился, схватившись за хилый металлопрофиль руками. Он решил протиснуться между железобетонными перекрытиями и креплениями для армстронга. И тут наискосок через коридор мелькнула дыра. Квадратный проём сначала прошёл сквозь стену, которая тут же «заросла», а после скользнул по полу, вбирая валявшийся там сор. Но главное, что сжирал он не только пол, — над ним не было потолка. Квадратная дыра двигалась прямёхонько над такой же квадратной дырой в полу.

Серж нырнул ей наперерез в одну из комнат, перевалил через накренившийся шкаф, и вместе с коварно подвернувшимся офисным креслом рухнул в как раз подъехавший квадратный люк.

Дыра оказалась шахтой лифта, каким-то образом отправившейся в свободное плавание. Серж сначала пытался удержаться руками за края, но поверхность под пальцами постоянно менялась, бугрясь всяким мусором. По коже резанула боль, и руки разжались. Серж вскрикнул, падая. Но недолго — приземлился на крышу лифта, пролетев метра полтора.

Он упал на ноги, но поскользнулся на мебели и хламе, толстым слоем покрывавших лифт. И сверху продолжало прилетать всё, что лежало на полу по траектории движения шахты. Как можно быстрее поднявшись, Серж, пританцовывая на жиденькой опоре, поймал вертикаль. Балансируя и уворачиваясь от мусорного града, Серж огляделся.

Оказалось, что он постепенно поднимался относительно внутренностей проносившегося мимо здания. Подняв взгляд Серж увидел, что потолок шахты тоже опускается, так что и этот странный квадрат безопасности не означал спасения.

Удерживая равновесие, как сёрфер, Серж мчался сквозь складывающееся, наподобие конструктора, строение. Квадратная воронка лифтовой шахты невидимыми границами разрезала окружающее, как голограмму, сохраняя пустоту между квадратами пола и потолка.

А вокруг ломались будто спички швеллеры, лопались струнами арматурины, стены съезжались одна в другую, перекрытия смыкались, как колода игральных карт. И из этого безумного кукольного домика пытались вырваться братки.

Одного амбала Серж заметил прямо рядом с собой. Он лежал, сдавленный грудой кирпичей и смотрел стеклянными глазами на Сержа. Его рука дергалась, неестественно выгнувшись, но, как выяснилось, она вполне функционировала, просто в данный момент копалась в кобуре. Как раз в тот момент, когда Серж проезжал на куче стульев мимо него, браток успел достать пистолет. Серж вздрогнул, различив перед глазами кружок дула. Но браток выстрелил не в него. Окрашенные кирпичи остались позади, баюкать бездыханное тело, а Серж осознал, что выстрелы доносятся отовсюду.

Кто-то стрелял в воздух, призывая на помощь. Кто-то добивал другого, чтоб не мучился. Кто-то воевал за право первым проскочить в окно. Группа братков придумала огородить кусками стены небольшой участок и, стоя плечом к плечу, поливала пулями мелькающий между колонн силуэт.

Серж вгляделся в эту сутулую худощавую фигуру.

— Это ж Дёмчик, — сначала удивился, потом обрадовался Серж. — Так они меня спасают!

Демон ходил призраком по комнатам, не обращая внимания на хаос и выстрелы, то исчезая, то появляясь. Группа братков осталась позади, их стрельба смолкла, но Демон всё ещё появлялся в поле зрения в разных углах сходящегося лабиринта.

— Демон! — заорал Серж, пытаясь привлечь внимание далёкой фигуры. — Дёма, я здесь!

Он увидел Демона в ангарообразном пространстве под самой крышей. Тот брёл по пустым пыльным полам мансарды. Потолок лифтовой шахты уже давил на темечко. Серж, упершись ногой в седушку стула, выпрыгнул из своего летящего укрытия и повис на перекладине между стропил, а затем, как городской Тарзан, побежал по параллельным балкам под гофрированными листами кровли.

— Дёма, стой! — кричал он.

Пол быстро сожрал стропила, и Серж спрыгнул с насеста вниз. Подняв облако пыли, он едва различил, как силуэт Демона шагнул с последней ступеньки наружу. Пока Серж добежал до чердачного выхода, лестница уже растворилась под ногами. Он рванул дверь, за которой скрылся Демон, но до крыши ещё

оставался небольшой тамбур. Люкарна, служившая рамой для двери в полный человеческий рост, щерилась кусками лопнувших наличников и смыкалась как пасть. Она была уже размером с окно, когда Серж заскочил в тамбур. Весь чердак ощутимо двигался, сдавливая сознание.

— Демон, Дёмочка, — шептал Серж, промакивая пересохшие губы языком.

Его толкнула в плечо наклонная стена. Серж упал на четвереньки и галопом скакнул в проём. Ногу что-то зажало. Он обернулся и уже не увидел собственного туловища за опускающейся кладкой люкарны. Чувствуя, что плечи оказываются в тисках, он рванул, что есть мочи, и увидел перед собой кроссовки Демона.

— Димочка, Дима, помоги, Дима, — бормотал он, уже почти не соображая.

Демон стоял совсем рядом. Холодный и равнодушный. Всегда таким был. Но: хочешь дружить, будь дружелюбным. Серж терпел холодность, мечтая затесаться в его компашку.

— Димпха, — кашлянул на полуслове Серж.

Он почувствовал, как вместе со словами изо рта вырвалось что-то постороннее. Как в тот раз, когда ему впервые дали затянуться кальяном. «И что?», попытался спросить тогда Серж, но клубы дыма не дали ему произнести это внятно. Так и сейчас. Только из горла вырвался не дым. Что-то жидковатое. Яркое. Серж смотрел на алые потёки, но уже не видел их. Нелька прибьёт, подумалось вдруг. Какой кальян, когда… Диплом. Не допи. Са…

На кроссовку Демона шлёпнулась капля крови. Он рефлекторно отодвинул ступню, но внимания не обратил. Он стоял рядом с остывающим Сержем и лихорадочно вглядывался в линии развалин. Рядом громко дзжжигнул электрокабель. Демон осмотрел и его, причём ещё более пристально, даже наклонился, подобрал провод и как-то под углом прислонил к куску штукатурки.

Рядом из пустоты к нему шагнула взволнованная Сова и взвизгнула:

— Это ты?!

Демон посмотрел на неё, потом на провод и медленно отпустил его.

— Значит и не ты, — проговорил он упавшим голосом.

— Вон, вон! — указывала рукой Сова куда-то.

— Да-да, — зло огрызнулся демон и выдохнул. — Попались.

Он стоял, бессильно опустив по бокам плети рук. Сова уставилась на него. Резко дёрнула головой, по новой изучая окрестности.

— Нет, не может…

— Сука! — потеряв самообладание заорал Демон.

— Это она, — догадалась Сова.

— Всё — обреченно сказал Демон. — слышишь?

— Орден. Думаешь? — испугалась Сова.

— Уверен. Блок.

Сова стиснула виски пальцами. Подумала. Тоже выругалась:

— Сука! Хотя…

Она замерла. Демон удивленно и с вялой надеждой ждал.

— Давай перекачку! Со сто семнадцатым.

Демон побелел. Сглотнул. Выдавил:

— Кто?

Сова ухмыльнулась:

— Ты. Только без соплей. Соберись.

Демон кивнул.

— Побежали, — сказал он.

Они сорвались с места. Демон впереди, за ним, не отставая, Сова.

— Готово! — крикнула она.

Демон прыгнул и упал на землю солдатиком плечом вперёд. Асфальт под ним прогнулся, покрывшись паутинкой трещин, как осенняя наледь. Следом прямо на Демона прыгнула Сова, толкнула его плечом, всем весом, и асфальт поглотил Демона, как вода.

Но Сова застряла. Дико закричав, она ударила свободной рукой по твёрдой поверхности. Её шея выгнулась от нестерпимой боли, и оставшаяся над землёй часть тела застыла слепком агонии.

Демон сконцентрировал в прыжке всю энергию, что перекачала в него Сова, но всё равно внешний блок не позволил рассчитать максимально точно. Он появился не с потолка, как хотел, а вывалился из стены. Какой-то секунды, чтобы сориентироваться, найти глазами Эна и сконцентрировать на нём силу удара, не хватило. Настороженный Эн среагировал быстрее. Он шёл в окружении бойцов Ордена, отличаясь от них одеждой и походкой. Если бойцы с ног до головы были укутаны в чёрную униформу, покрытую бронированными щитками и кармашками для боеприпасов, сжимали в руках винтовки и делали мелкие шажки, чтобы центр тяжести всегда приходился на обе ноги одновременно, то Эн шагал обычной походкой, разве что немного напряжённо, в простом спортивном костюме. Только в руках сжимал необычное устройство. Похоже оно было на скелет от чемодана.

Когда прямо из стены выпал Демон, Эн воскликнул: «Мать твою!..», дёрнулся в его сторону, вытянул перед собой устройство, прикрываясь им, и потянул за ручки. Недочемодан раскрылся как ножницы. Поймавший Эна взглядом Демон не успел ничего сделать. Он вдруг вспух и покраснел, источая пар и жар, как раскалённая топка.

Демон повалился Эну под ноги. Безжизненный и закопчённый.

Ближайшие к Эну бойцы среагировали только сейчас, оттащив его от дымящегося тела. Остальные развернулись в его сторону, и начали фаршировать мёртвого Демона свинцом.

Эн, осторожно держа от себя подальше на вытянутых руках, сложил чемодан как зонтик, и поморщился от шума выстрелов. Несмотря на глушители, грохот в туннеле стоял неимоверный.

— Ну, всё! Всё, хватит, дохлый он уже, дохлый! — распихал он бойцов. — И не вашими заслугами. Вояки, блин.

Те послушно перегруппировались и выстроились в клиновидную фигуру, готовые продолжать движение. Эн мыском кеды потрогал тлеющего Демона и вдруг радостно хохотнул.

— Работает! — выдохнул он.

— Эн! — донёсся крик и следом послышался топот догоняющих.

— Эл, я тут! — ответным криком отозвался Милан.

Из-за угла выбежало несколько адептов Ордена.

— Живой! — воскликнул один из них.

Подбежав, он ухватил его за плечо и, почти повиснув на нём, тяжело перевёл дыхание.

— Работает! — поделился с ним восторгом Эн.

— Ты о чём? Это кто? Это Демон? Это ты его так?

— Вот, — похвалился Эн, демонстрируя ему закрытую проволочную конструкцию. — Обалденная вещь.

— Чёрт, Эн, мы не голосовали за эксперименты, — строго зашептал ему в ухо Эл, оглядываясь на адептов.

— Прогресс не остановить! — Эн сказал громко, чтобы и адепты слышали. — Это будущее. С такими возможностями, только представь, чего мы добьёмся лет через двадцать!

День второй

Досье первое

Только без фальши

и лжи,

что будет дальше,

скажи.

В ладони наладонник. Мысль за тысячи миров. Ухаб, и палец мимо буквы.

Рита вздохнула. Спрятала смартфон в карман кителя. Прижалась виском к окну машины. За холодным стеклом пустовали предместья. А рядом на сиденье темнел отец. Отстань, отцепись, растворись, не хочу тебя ни замечать, ни обращать внимания. Но он довлел, окрашивал сознанье в свою темноту.

Будто сдавленная физически, Рита почувствовала духоту. Нащупав застёжку у горла, расстегнула и распахнула китель. Зиппер блеснул и звякнул, примостившись на сиденье между ними. Краем глаза она увидела, как отец тут же взял застёжку и бесцельно стал перебирать толстыми пальцами. Кажется, ему неудержимо хотелось поговорить, и, убрав телефон, Рита будто сама

пригласила его к беседе.

— Что пишут? Не опаздываем? — спросил.

Рита не шевельнулась, продолжая молчать. Он поподбрасывал её застёжку на ладони.

— Если хочешь жить отдельно, только скажи, — пробормотал он на горестном выдохе, отпустил застёжку и пригладил её сверху — провёл ладонью по сиденью.

Рита повернула голову. Отец будто хотел уменьшиться, как-то подобрался на своей половине сиденья. Он, невзначай копируя её позу, полуотвернулся к дверце, пряча позволившие себе лишнего ладони на животе.

— Ты серьёзно? Снимешь мне квартиру? — спросила Рита.

— Сниму, куплю. — Он смотрел в окно. — А что? Ты доказала самостоятельность. Прошла аттестацию. Не посрамила честь мундира.

Он скосил хитрые глаза на её китель. Вечные его шуточки. У, бесит. Мгновенье назад казался жалким и давил на совесть, но неизвестно искренен ли он был. Серьёзно он говорил или придуривался?

— Давай потом к этому вернёмся, — попросила Рита.

В окне показался жёлтый корпус колледжа, ярко украшенный к сегодняшнему празднику.

— Какой цветник. — Отец смотрел на группу девчонок, переходивших дорогу.

Причёски, платья, украшения. На Рите тоже был шикарный наряд, но по традиции ей, как сдавшей внутреннюю промежуточную аттестацию, на церемонию нужно было обязательно напялить китель.

Даже в бронированном джипе отца было слышно, как из громадных динамиков гремела музыка.

У облепленных воздушными шариками стен рисовались студентки. Белорубашечные студенты терялись в толпе от нарядных родителей. Они хотели курить, а те целились в них объективами камер.

Джип, нахально раздвигая тусующийся на дороге край толпы, подрулил прямо к лестнице. Рита выпорхнула на волю. К ней тут же подскочило четверо девчонок. На одной был такой же чёрный китель, как у Риты — значит тоже переводится

на спецфакультет. Остальные красовались чудесными платьями.

Рита повизжала в унисон с подругами и обернулась. Отец вслед за ней ступил на тротуар и, солидно приосанившись, оглядывал студенческое море поверх голов.

— Ты тоже идёшь? — возмутилась Рита.

Отец обидчиво удивился:

— Я вообще-то соучредитель.

Рита потухла и, пожав локоть ближайшей подруги, сказала:

— Девчат, извините, я с отцом.

Отец благожелательно осклабился:

— Не надо, иди, развлекайся. — Широкий взмах рукой. — Мне ещё надо кое с кем увидеться.

Дождавшись, пока позади него не вырастет тенью телохранитель, отец ледоколом двинулся к зданию колледжа. Рита повернулась к подругам, и широкая улыбка сама собой растянула губы.

Сделал обход, отчитался ректору. Что ещё делать завхозу провинциального колледжа? Конечно же, смаковать сплетни. А в «Легне» слухи плодились как мухи. Ну, дык, не какой-нибудь техникум, а учебное учреждение с частичным частным финансированием, почти коммерческое, но под муниципальным контролем, — в общем, для подобных феноменов есть слово такое специальное, от которого во рту появляется сладковатый привкус, его нельзя произносить скороговоркой, оно должно таять на языке, чтобы по окончанию в воздухе замирала томная пауза, обычно следующая за оркестровым крещендо. Короче, колледж считался элитным.

С расцветом соцсетей люди, принадлежавшие в народном сознании к элите, стали доступней для обывателя, флёр таинственности с богачей и знаменитостей постепенно спадает, позолота начинает стираться. Но для людей, изначально окружавших эту самую элиту, например, для педсостава «Легны» отправлявшие своих чад учиться на люксовых авто в сопровождении личных водителей представители социальной верхушки никогда загадками и не были. Те же отцы и матери, что и миллионы других. Разве что с более интересной жизнью. Вернее, с жизнью, которую так интересно обсуждать у них за спиной.

Голову сотряс телефонный вызов. Бергенов поморщился и дотронулся до наушника.

— Дэн, давай уже в актовый — все собрались. Я во дворе сам справляюсь.

Дэн оборвал связь и, помрачнев, двинулся к лестнице. Мирзаханян. Достал, гад. Вечно бесцеремонный, как снег на голову. Ещё и требует чего-нибудь. Дэн глубоко вздохнул, чтобы не закипеть.

Мирзаханян принял его на работу, и Дэн был благодарен. Первое время Эдмунд Вальтересович считался его начальником, что логично, но потом у них появились смежные, равные по значимости, зоны ответственности, да и должности назывались одинаково, а Мирзаханян продолжал строить из себя командира. Причём нет бы всегда, а то выскакивал, как чёрт из этой, как её, раз в год и начинал павлиниться перед ГОРОНО (или спонсорами, или ректором), а потом исчезал, будто не при делах. А сегодняшние торжества собирали бинго – присутствовать приедут и представители министерства, и совет директоров, и толпа влиятельных родителей. И образы того, как будет расшаркиваться перед ними Мирзаханян, портили всю атмосферу праздника.

Опять звонок. Клац по наушнику. Алло. Ректор — Римма Мироновна.

— Кто за звук отвечает? — С ходу крик.

— Калиш.

— А где он?

— А вы ему звонили?

Гудок сброса. Денёк сегодня будет напряжным, с улыбкой подумал Дэн. От многозадачности настроение почему-то улучшалось. Он поставил ногу на последнюю ступеньку и выглянул в окно. Внизу грузная подволакивающая ногу фигура Мирзаханяна поспешно открывала запасные ворота. Через них обычно проезжал только золотарь. А сегодня кто? Интересно.

Во двор зарулила роскошная иномарка. Дэн укоризненно покачал головой и пробормотал под нос:

— Нарушаем.

Мирзаханян, озираясь, быстро запер створы и заковылял к машине. В его походке и мимике (и во всём облике) читалась та подобострастность, что появлялась при виде сильных мира сего. Дэн хмыкнул и отвернулся.

В дверях Дэн столкнулся с Фещиным — как раз одним из сильных мира сего. Дэн, возможно, и слышал кучу сплетен о нём, но почему-то конкретно эту фамилию не запомнил. В лицо, кажется, видел, но тоже особо не приглядывался. В колледже хватало объектов обсуждения, да и список директоров не так чтобы много, где светился, чтобы примелькаться в глазах одного из завхозов. Впрочем, Дэн сразу понял, что Фещин не простой родитель, а человек серьёзный и, по-видимому, влиятельный. Уголком сознания он ощущал, что мог видеть его на фоне охранников в обществе ректора.

Дэн извинился и уступил дорогу. Фещин, не взглянул на него, лишь дёрнул щекой, обозначая какую-то эмоцию, то ли улыбку, то ли усталый прищур. Дэн покопался в воспоминаниях: а это не про этого, случайно, дядьку рассказывали, как он выхватил у охранника то ли пистолет, то ли «утюг» и выстрелил то ли вверх то ли в пол? Откуда я его помню?

Дэну в стенах «Легны» ничего криминального наблюдать не приходилось, если не считать наркоманских сходок в уголке двора, прозванного «пятачком», но досужие разговоры на кафедрах, в столовой и комнатах отдыха бережно хранили память о лихих событиях. Из уст в уста передавались заголовки местных газет, упоминавших фамилии, дублировавшиеся в классных журналах. Байки о выбитых пулями стёклах спортзала, о струйках крови, затекавших во двор после разборок братков. Преподавательницы с придыханием повествовали о воинственной харизме рэкетиров, не боявшихся в одиночку вклиниваться в толпу таксистов, стушёвывавшихся под психологическим напором наглых прищуренных глаз. Участвовавшие в этих приключениях парни, кто выживал, мужали, обрастали животами и семьями. Теряли волосы, но наживали капитал. Потом приходили на родительские собрания, семейные мероприятия и торжественные линейки. Выглядели они бизнесменами, но понятно было, что под деловыми костюмами скрывались разбойничавшие в кончину века молодчики, оставшиеся с теми же повадками и связями, что позволяли им в своё время удерживаться в банде.

Вслед за Фещиным шёл ещё какой-то мужик, видимо, охранник, а рядом — Меркадзе. Вот этого-то Дэн точно видел в обществе ректора. Меркадзе был куратором от министерства. Наверно, ему надо будет речь говорить, промелькнуло в мыслях Дэна.

— Вы актовый зал ищите? — спросил он. Мужчины остановились и удивленно на него взглянули. — Он там, вам показать?

Фещин криво усмехнулся и с едва сдерживаемым смешком ответил:

— Спасибо, мы знаем, где здесь что.

Как будто в ответ на величайшую нелепость в мире. Дэн смутился и прошептал:

— Извините, тогда.

Фещин зашагал дальше. Меркадзе на секунду задержался, рассматривая Дэна, как энтомолог рассматривал бы случайно встреченного жука, а затем двинулся следом, догоняя. Кажется, Дэн услышал свою фамилию в их продолжившимся разговоре.

Спина декана. Лавируя в проходе между кресел, не упустить. «Дети заберут птиц, спрячут цветы...» — гремит из динамиков со всех сторон. Лавина тел, закупоренная в коридоре, тоже ворвалась в актовый. Догнала, расплескалась вокруг, толкаясь. Сиюминутный сезон охоты на кресла. Парочками, группками, урвать повыгодней. Азарт. «Сюда, сюда!», «Здесь занято!». «В полдень исчезая», — тянет слова вокалист, хрипя на повышенных. Спина декана. Уже в конце зала. Пройти мне дай! Перед самой сценой никого. Рука декана, указующая:

— Занимайте первый ряд… Шахмаран! Ещё на голову ему залезь. Тихо. Сидите, ждите, пока вызовут, потом к родителям для общего фото и опять сюда…

Рита бухнулась на жёсткую седушку. Было жарко. «На одной из планет, — драли глотку колонки и вдруг стихли, — где в помине нет войн и ракет», — продолжили они еле слышно.

Гигантские люстры под потолком погасли. Гудящая толпа расселась и в темноте притихла. На огромную сцену упали лучи подвижных софитов. Все воззрились, но на ней было пусто. «Засмеётся в небе радужный свет, — проникновенно пели динамики вполголоса, — И наступит царство птиц и детей».

Гул голосов поднялся вновь, перекрывая остаток песни, и тогда к микрофону выбежала конферансье. Шпильки, высокая причёска. Все приготовились внимать. Она набрала воздуха в грудь и:

— Бубубу.

Ничего непонятно. Появился техник. Занялись отладкой звука. Снова сзади гул. Рита привстала, огляделась. Зал битком. Не только сидячие.

— Дорогие обучающиеся! — громогласно.

Рита вздрогнула и сползла обратно на седушку. Конферансье почтительно торчала в сторонке, а к микрофону уже жала рот ректор.

— Наши уважаемые гости, — возвышенным тоном говорила Римма Мироновна, звеня в ушах. — В этот знаменательный день мы собрались здесь поприветствовать новое пополнение студентов на нашем специальном факультете — гордости не только нашей любимой «Легны», колледжа самого по себе особенного — какое ещё средне профессиональное учебное учреждение может похвастаться тем, что его возглавляет целый совет директоров, да ещё и ректор, как в вузе, — но и всей нашей образовательной отрасли. О том, насколько сегодня важен спецкорпус в министерстве областного образования, расскажет наш преданный друг, засланный казачок в районной администрации — да, что бы мы без вас делали? — наш дорогой Темур Автандилович Меркадзе. Просим!

Долговязая фигура какого-то государственного сановника всплыла из тьмы. Благовидная проседь. Посмеиваясь, прошествовал к микрофону и похлопал Римму по костяшкам пальцев — её рука услужливо старалась поднять стойку повыше. Долговязый, осклабившись, клюнул поп-фильтр:

— Выигранные олимпиады и конкурсы — это, конечно, показатель профессионализма педагогического состава «Легны» и приятных условий обучения, в которых ум не задерживается на мелочах быта, а устремляется в полёт к светочу учения, не сковываемый важнейшими, по Маслоу, заботами. Это, конечно, очень важно, и уже только это вдохновляет остальные учебные заведения подтягивать хвосты и равняться на лучших. Речь о финансировании, понимаете, да? Все мы люди взрослые. Но в том-то и дело, что это не главное. А этого не понимают директора техникумов и лицеев, стремящихся повысить бюджетное финансирование одними лишь оценками, графиками успеваемости, количеством семинаров, турниров, первенств, чемпионатов, и Бож знает, чему они ещё дают аналогичные названия. А «Легна» понимает. И делает. И приобретает дополнительное и значительно большее финансирование. В чем же секрет? А разве это секрет? Всё на виду, мы об этом говорим всякий раз, всякое своё посещение я талдычу директорам: вы не школа, вы профессиональное учебное заведение, вы даёте своим выпускникам не знание, а профессию. Вы делаете вклад в будущее страны, а не добываете галочку в чек-листе. «Легна», прежде всего, знаменита своими студентами, по окончанию обучения становящимися высококлассными сотрудниками отраслевых — стратегической важности — корпораций. И это я говорю о выпускниках трёх основных факультетов. Но колледжу Риммы Мироновны настолько небезразлична судьба нашего общества и судьба граждан, которыми становятся выпускники, настолько, что внутри этих факультетов она проводит отбор самых лучших, самых способных. И определяет их в специальный факультет, чтобы оттачивание их навыков ничем не ограничивалось. И это не правда, что в

спецкорпус определяются студенты «по блату», так сказать. Совсем нет! Если бы каждый из вас достигал критериев отбора в спецкорпус, то в фине, меде и техе вообще никого не осталось бы – все учились только в спецкорпусе, и каждый специалист снабжался бы теми же средствами и ресурсами, что и любой другой спецстудент. Вон, у нас сегодня присутствуют директора из совета, они подтвердят. Потому коммерческая основа и присутствует в «Легне» — спонсоры сами спешат инвестировать в обучение высококлассно обученных кандидатов на должности. В этом и секрет, ничего более. Если бы остальные колледжи это понимали, то фирмы и организации сами стояли бы в очередь из желания проспонсировать их, но куда там! Им проще прослыть в народе «шарагами», получить презрительные прозвища, чем уделить внимание тому, чего от них ждёт государство. Так что — цените. Учиться в «Легне» — большая удача и привилегия. Хотите обезопасить своё будущее, старайтесь соответствовать запрашиваемым нормам, чтобы оказаться в числе как минимум выпускников «Легны», а как максимум — оказаться среди этих счастливчиков, кого гордые родители (у которых глаза на мокром месте сейчас, да?) встретят на этой сцене. Римма Мироновна, прошу, продолжайте церемонию.

Плеск оваций. Долговязый, похлопывая самому себе, отступил. И ткнулся задом в угол стола. Пока он трепался, старшекурсники подсуетились. Подгоняемые Риммой Мироновной, подготовили всё для награждения. Для ритуала. «Но этот простой сюжет, — завопила вновь песня, — не только о чудесах». Римма Мироновна жестикулировала. Деканы повскакивали, кинулись овчарками на престарелую толчею, жмущуюся к стенам. Отара родителей засеменила на сцену, отмахиваясь от деканов цветами. Веники-букетики. Ритуальная атрибутика.

Родителей согнали куда надо, стол захламили свёртками и картоном. Внимание — все на своих местах. Овчарки притаились, ловя приказы в движеньях рук. И дирижёр явилась у микрофона. Музыка умерла на вдохе. Весь актовый зал замер на вдохе. Римма Мироновна, нарушьте же эту невыносимую…

— Дорогие мои! Мы – люди маленькие. Прожить бы день. Не поссориться бы с любимым. Получиться бы на фотографии. Посмотреть новую серию. Мы, конечно, хотим иногда чего-нибудь получше, даже стремимся к этому. Съездить бы на юг. Получить премию. Или права. Для нас это важно, воплощение этих запросов сделало бы нас счастливей. Хотя и в масштабе планеты, если посмотреть на эти желания, то даже как-то стыдно, что ли, мечтать о такой мелочи. Даже мечтой назвать эти стремления стесняемся. Вот бы желать чего-нибудь высокого! О горнем помышлять, а не о делах земных. Но, знаете, это наша жизнь. Маленькая, серенькая, может быть, кому-то незаметная. Пусть. Мы никому не мешаем. Вот,

пусть и нам не мешают мечтать о своём. Воплощать мечту и радоваться. Если кто-то великий воплотит что-то великое, достигнет всеобщего счастья, и оно и нас коснётся тоже, то, пожалуйста, будем и мы участвовать во всеобщей радости. Но и от своей собственной скромной радости мы отказываться не должны. Я, например, мечтаю закончить учебный год без происшествий. И всего-то? Да. И я буду стремиться к этому. Это моя мечта. Личная. И я знаю, что у присутствующих здесь студентов тоже есть цели, стремления. Так не бойтесь же называть их мечтами. Признайтесь себе: я мечтаю перевестись в спецкорпус. Мною всё для этого сделано. С трудом, с бессонными ночами, может быть, но вы стремились к этому. Вы тоже хотите кусочек своего счастья под этим небом. Признайтесь, и тогда, на фоне масштабных каких-нибудь событий, на фоне ужасных или наоборот потрясающих новостей, на этой с безумной скоростью летящей через непроницаемую бездну планете, я смогу с уверенностью заявить: несмотря ни на что, сегодня мечты этих молодых людей осуществились. Я буду называть имена, а вы подходите ко мне и принимайте поздравления.

Римма Мироновна отвернулась к столу. Снова негромко включили музыку. Конферансье, играя лицом, решила завести зал и стала хлопать в такт. Сидящие подхватили затею, и сердце забилось в общем ритме. Мощном, всеохватном, бессознательном. «И наступит царство, — пели динамики, — птиц и детей, сказочное братство». Родители улыбались. Радость коверкала их лица. Римма Мироновна взяла со стола верхний лист тонюсенького картона. Старшекурсник позади неё бросил на него взгляд и кинулся искать соответствующий свёрток. Римма поглядела на картонку, оказавшуюся свидетельством о переводе в спецфакультет, и пригубила микрофона:

— Фещина Маргарита Альбертовна.

Риту вынесла на сцену ритмичная буря сидячего танца толпы. Чинный транс, благородный экстаз. Чинный благородный ритуал древнейшей социальной магии. Плевать на Риту, плевать на причины, лишь бы собраться вместе и качаться в ритме сидячего танца.

— Ну, кто бы сомневался, — кислая мина Сомовой.

Усмешка, прячущая злобу. И всё равно — ладони в такт. Ладонь об ладонь, ладонь об ладонь, удар и искра, раздувайте огонь. Всё ожидаемо. Дочку учредителя — в спецкорпус. Ожидаемо. Хейт в сторону дочки учредителя — ожидаемо. Ладонь об ладонь, ладонь об ладонь. Вряд ли сама Сомова мечтает попасть в спецфакультет. Вряд ли она догадывается, что для этого действительно нужно. Ладонь об ладонь, ладонь об ладонь. «Я больше не буду учиться с Сомовой», — кажется догадалась Рита, взбираясь по ступеням, но на

сцене все мысли вылетели. Только бы не споткнуться и не сделать чего-нибудь не так. Улыбающаяся Римма Мироновна. Вежливые старшекурсники вокруг. Один разорвал упаковку свёртка, и в его руках появился новенький бледно-зелёный китель. Атрибутика спецфакультета. Римма Мироновна подняла руки, будто раскрывая Рите объятия, но она всего лишь хотела Рите помочь снять её чёрный китель. Старый кокон долой. Рита нащупала борты и, звякнув зиппером, зачем-то немного присев, стащила с себя старую курточку. Ритуал. Да здравствует кокон новый. Римма Мироновна забрала чёрный китель и передала дальше. В утиль всё ветхое. Бледно-зелёный китель кто-то просто набросил ей сзади на плечи. Рита взялась было искать рукав, но вот уже Римма Мироновна протягивает свидетельство. Надо принять картонку, пожать руку, замереть в прицеле видоискателя, принять фотогеничный вид за миг до вспышки.

— Молодец, дорогая, — сказала Римма Мироновна и, тронув плечо, указала, — иди к отцу.

Рита обернулась на родительскую шеренгу. Отец махал ей букетом.

— Моя умница!

Не рисуйся, пап. Он развёл руки для объятия и ждал. Одна ладонь раскрыта, вторая – кулак. В нём цветы, но. Кулак? За шаг до столкновения Рита остановилась и завозилась с рукавами нового кителя. Отец поймал руками воздух. Цветы – долу. Рядом уже кого-то встречают, целуют, омывают слезами и отирают цветами. Рита сделала последний шаг к отцу и провернулась на каблуке, прижав к нему спину. Он, помедлив, обнял могучей дланью и всучил благоухающий веник. Взяла. Могла б и улыбнуться, неблагодарная мразь, прочитала она мысли Сомовой и улыбнулась зрительному залу. Снежная королева с оттаявшим ликом. Не королева. На всём готовом, значит, принцесса. Королевами становятся, а она такой родилась, значит всего лишь принцесса. Всего лишь. Сомова за такое первородство чечевичную похлёбку не пожалела бы. Ничего не пожалела. Улыбаться? Пожалуйста! Семейные покатушки? Да сколько угодно! Быть принцессой, да при неисчезнувшем отце – просто сказка. Это как поглядеть. Только меняться с Сомовой местами – нет уж, увольте.

— Общее фото!

Клешни отца на плечах. Две ладони, а Рите казалось, будто давит всем телом. Взобраться хочет? И не по таким взбирался. Повыше, повыше. Обратная пропорция — чем старше взбирающиеся, тем моложе под ногами сор. Хороша опора – сор. Может, поэтому так полицейских и называют? Не охота быть сором, айм сорри.

Знакомое лицо. В сонме пятен улыбалось особое. Родное пятно. Уголком зрения. Где же где? Родное, тёплое. Какой же тоскливый день, как мало света. Чьё это лицо? Дядя Мил! Конечно же. Во все тридцать два зуба. Рита тоже расплылась, глядя в это радующееся её успехам зеркало. Там среди стоячих зрителей у дальней стены актового зала. Добрейший дядя Мил. Добрющий. Добрящийся.

Едва отфоткали общие планы, Рита, забыв об отце, сбежала со сцены. Дядя Мил улыбался и один раз махнул ей рукой, но навстречу не пошёл, а, наоборот, немного отступил к стене, зарывшись в окружающих.

Рита нырнула к нему.

— Привет! Ты пришёл…

Окончание церемонии означало, что студентов разберут новые кураторы, а родители зависнут, не зная куда деваться. Взрослые люди разного статуса и положения в замкнутом пространстве — интересный челлендж.

Дэн оттолкнулся локтями от стены, что подпирал всю церемонию, и отправился сквозь слои социального рейтинга.

Однако люди на удивление легко определяли себе подобных. И киношные клише, в которых персонаж высказывает в лицо художнику то, как плоха картина, не подозревая, что тот её автор, скорее всего нежизнеспособны. Родители, после недолгого броуновского движения, сами разбредались по кучкам, и тогда из одной группки доносились разговоры о дороговизне учебных принадлежностей, когда как другое сборище, не замечающее колебаний цен розничной торговли, открыто обсуждало политику.

— Плевать им на мнение Иблиса — его просто перед фактом поставили, и всё.

Дэн приостановился послушать.

— Вы же не считаете Иблиса самостоятельным актором?

Действительно. С чего бы? Ведь каждый знает, что…

— Хотелось бы, но увы. Видно, что мы пляшем под дудку так называемых «царей от восхода солнечного».

А-а, так вот оно что…

— Нет. Это просто видимость. Пусть там считают, что у нас нет собственной политической воли.

— А она есть? Без смеха на Иблиса не взглянешь…

Ох-ох, нельзя так про…

— Да, лично у него пиарщик даром хлеб ест, но глобально важен не он, а так называемый «коллективный иблис».

Что за зверь такой?..

— Слово из трёх букв? Да нет, можно сколько угодно долго повторять, что не перевелись ещё богатыри нынче, но всё равно ясно, что дети шпионов — это не сами шпионы.

Хороший фильм. Сиквелы токмо слабоваты…

— Не обязательно быть чекистом, чтобы присягать Дзержинскому. Идея — как нематериальный паразит. Чекистам не нужно было защищать компартию, чтобы служить её заветам. Как ни парадоксально, но, разваливая Совок, чекисты исполняли заветы Ильича.

Мартовские иды… ой, нет, апрельские тезисы!..

— Что-то вы перемудрили. У КГБ была цель гарантировать безопасность страны в её границах, чего они явно…

— Их сверхзадача была в другом. Главный принцип существования чекиста — перманентная борьба с Западом. Вернее, это принцип большевиков, но все их духовные наследники подобострастно служили этой идее. Нынешний коллективный иблис унаследовал её от последнего поколения чекистов, а КГБ, понятное дело, считал её воплощение своим прямым долгом всё время. Термин «Холодная война» очень красноречив в этом плане.

Холодная мировая. В историки податься что ли?..

— Искать подтверждение одной единственной причины в событиях целого века мне кажется довольно ленивой гиперболизацией. Всех под одну гребёнку. Большевики — это одно, СССР — совсем другое. В тридцатых, например, с американцами мы вполне мирно сосуществовали, в промышленности и науке — постоянный обмен опытом. Ленд-лиз, вот это вот всё.

«Вот это вот всё» — веский аргумент, надо запомнить…

— Ага, и с немцами. Накачивали немецкую военную машину специалистами и ресурсами. Да Сталин только и думал, что о войне на выживание с глобальным Западом! Какое сосуществование? Это банальная разведка и пыль в глаза!

— Что-то Вторая мировая не очень-то вяжется с вашей теорией.

«Ты стрелял?» «Я» «Кто ж в своих стреляет?» «Йа-йа!»…

— А Вторая мировая и не закончилась ещё, о чём вы? Когда там Холодная началась? В сорок шестом? Или сорок пятом? Делёж Берлина, Корея, Карибы — всё звенья одной цепи. Сталин готовился к этой войне ещё при Ленине, только называлось это не войной, а мировой революцией.

В других группках шли свои разговоры.

— Привет! Ты пришёл… — раздавалось от стены.

— Ну, разумеется, как я мог!

Милота. Так, а эти политологи доморощенные к консенсусу пришли уже?

— А в карело-финской и разделе Польши участвовал минимальный советский контингент. Они нужны были больше дойче, чем нам. Этакие заверения в преданности. Сталин всячески избегал демонстрации реальной мощи красной армии. И, кстати, преуспел в этом. Только он хотел ввести в заблуждение Запад, но на удочку клюнули дойче. Сталин до последнего не верил в полномасштабное вторжение — боялся, что это Запад провоцирует его раскрыть карты. По плану советского генштаба немецкий коршун должен был схлестнуться с британским львом, а Сталин добил бы то, что осталось. И точно такая же стратегия проглядывает в действиях Иблиса. Он вроде бы покорен царям-ангелам от восхода солнечного, но лишь для того, чтобы те первые сделали бесповоротный шаг — перешли Евфрат и…

— Руки убрал! — крикнули у стены.

— Папа! — воскликнула девушка.

Она схватилась за руку Фещина и тянула его прочь от импозантного щёголя, за которого в свою очередь схватился Фещин.

— Какого ты сюда припёрся? — с натугой рычал Фещин.

Он оторвал пижона от стены и потащил в сторону выхода. Каблуки девушки заскрипели по полу, Фещин утянул за собой и её.

— Отвали от меня! — орал щёголь.

— Папа! — визжала студентка.

— Катись отсюда, — свирепел Фещин.

Он никак не мог швырнуть щёголя — тот цеплялся за его запястья. В какой-то момент он даже оторвал от себя хватку благородного папаши и отскочил. Фещин уставился на него, тяжело дыша. Пижон выпрямился и поправил одежду.

— Взял и припёрся, — выдавил Фещин. — Какого…

— Я вообще-то соучредитель.

— Я тебя предупреждал, что грохну при встрече.

— Угомонись, Эл. Дочери бы постеснялся.

— Дочери? — побагровел Фещин.

Он кинулся вперёд и правым в челюсть. Удар не совсем точный, но щёголь прикорнул на пару секунд, привалившись к стенке. Дэн вздохнул, поняв, что не вмешиваться уже не получится.

Он двинулся к дерущимся, но среди них уже материализовалась ректор. Римма Мироновна двумя руками пихнула тушу Фещина в грудь и крикнула:

— Что вы устроили?! Учредители!

Она повернулась к щёголю, потиравшему подбородок:

— Милан Филиппович, я прошу вас уйти. Не усугубляйте.

Милан Филиппович кивнул и гордо зашагал к выходу. Толпа пропустила его, отодвигаемая силовым барьером невмешательства.

Девушка зашагала было вслед гордо удаляющейся фигуре, но Римма Мироновна схватила её выше локтя и дёрнула на себя.

— Не сметь, — раздельно выговорила она чуть ли не сквозь зубы и посмотрела на Фещина. Затем обвела всех взглядом, отпустила девушку и провозгласила: — Празднуем, господа. Не портьте детям праздник.

И удалилась, стуча набойками. Толпе вернулся дар говора. Фещин осуждающе посмотрел на дочь, покачал головой, отвернулся от неё и пошёл прочь.

Дэн решил проследить, не сцепятся ли они с щёголем на улице, и тенью скользнул следом. Но он оказался не единственным сопровождающим. Спина Фещина внезапно стала обрастать налипами телохранителей. Некоторым он отдал короткие приказы и остановился, дожидаясь их исполнения. Дэн тоже

врос в колонну и сделал вид, что не интересуется замыслами явного уголовника, только что пообещавшего грохнуть другого при куче свидетелей.

Один из телохранителей появился вновь и шепнул шефу нужную инфу, кивнув на запасной выход. Вся кавалькада последовала туда. Дэн, не отставая, держался в отдалении.

Вышли они на задний двор, откуда как раз газанул седан с пижоном на заднем сиденье. Мирзаханян запер за ним ворота и, повернувшись, вздрогнул, окружённый шайкой Фещина.

— Здорово, отец.

— З-здравствуйте. Ой, Альберт Викторович, я вас не признал, — наигранно обрадовался Мирзаханян Фещину.

— Заведующий хозяйством спецкорпуса, — кажется, проговорил Фещин. Из своего укрытия Дэн плохо слышал детали разговора. — А на территорию спецкорпуса вы так же легко пускаете… посторонних, как и на территорию колледжа?

— В смысле посторонних? Милан Филиппович же сам меня и нанимал, он технический директор…

— Не держи меня за дурака, завхоз, ты прекрасно знаешь, что он… отлучён от проекта, и спецкорпус — последнее место, рядом с которым я бы… хотел его видеть.

Фещин с охранниками наседал на хромого в миг постаревшего Мирзаханяна. И Дэну вспомнились аналогичные картины из девяностых, когда братки щемили бедолаг точно таким же прессингом. Вербальное давление всегда оборачивалось физическим насилием, будто печатью скреплявшим слова, и Дэн поморщился от этих воспоминаний. Как бы он ни относился к Мирзаханяну, но его нужно было выручать. Правда, ещё вспоминались и другие картины, когда встревавшие между двух противников миротворцы получали по зубам от обоих, но Дэн понимал, что в данном случае ситуация другая. Пахло расправой, как разновидностью наказания, но во дворе колледжа Дэн допустить такого не мог.

Он вышел из-за угла и направился к воротам.

— Эдмунд Вальтересович, — громко позвал он Мирзаханяна, — всё в порядке?

Братки обернулись на голос.

— Ещё один… завхоз? — проявил осведомленность Фещин.

— Заблудились? — спросил, вставая рядом с Мирзаханяном, Дэн. — Проводить до актового зала?

Фещин разглядывал его бегающими оливками выпуклых глазёнок.

— Поговорку про крепкий сон не слышал? Иди-ка ты сам… в актовый. Нам с твоим… коллегой кое-что обсудить надо.

Дэн пожал плечами:

— Увы, что-то мне не особо нравится ваша компания. Обсуждайте друг с другом, что хотите, и за воротами. А мы с Эдиком на своём рабочем месте. И вы нам мешаете.

Фещин почесал нос.

— Бергенов, да? — Фещин на удивление хорошо знал кадровый состав «Легны». — Ты, кажется, ветеран? Контуженый, видимо. Или ты по-русски не понимаешь?

Дэну надоело.

— Хватит. Разворачивайтесь и везите дочку домой. Или вы уже забыли, зачем приехали? Может Римму Мироновну позвать? Похоже, вы только её слушаете.

Фещин усмехнулся и, ничего не ответив, побрёл обратно к колледжу. Охранники, ясное дело, за ним. Мирзаханян похлопал Дэна по плечу и заковылял к спецкорпусу.

День третий

Досье второе

Ваше блогосферие,

Госпожа элита,

Крест нелицемерен, но

Жаль инфа вся слита.

Следи за дорогой, говорил отец, ситуация может поменяться за долю секунды. Дома, в провинции, в глухом фермерском городишке, Дэн воспринимал эти предостережения, как стариковские байки, и только здесь оценил, насколько отец был прав. Дорога в столице переставала быть местом передвижения, она бросалась хищным зверем, охотящимся на зазевавшихся простачков. Дорога выматывала и отбирала силы. Но постоянное лавирование и уход от столкновения с нетерпеливыми лихачами даже не были главным испытанием. Под парусом, говорят, пугаться стоит не шторма, а штиля. В мегаполисе функцию штиля выполняли автомобильные пробки.

Укачиваясь на волнах рывков мерного передвижения (…газ, тормоз, газ, тормоз…) гудяще-дымяще-рычащего месива, Дэн терял контроль над мыслями, а те, пользуясь этим, любили скатываться по склонам памяти в нехорошую бездну. И такие залёты нужно было вовремя пресекать. Дэн протянул руку к магнитоле и накрутил погромче. Ну и дрянь, подумал он про игравшую песню, но переключать не стал – всё равно на других станциях то же самое. Зато цеплючая мелодия отвлекала.

Он слушал, смотрел на бампер машины перед собой, перемещался со скоростью один корпус в две минуты и думал, что понимает, почему все вокруг поголовно ходят в наушниках. Как преподаватели с этим справляются? В лавине студентов, заполнявшей коридоры колледжа по переменам, ношение ушных затычек было похоже на эпидемию. Впрочем, понять их тоже можно – Дэн не отказался бы сейчас от какой-нибудь аудиокниги. Не рассчитал, что проторчит в машине так долго. Привык к коротким поездкам.

Ну, да ладно. Что-то пиликает из колонок – уже хорошо. А раньше от этой радиостанции тошнило. Буквально. Там был набор определённых "хитов", и диджеи гоняли их по кругу, по нескольку раз за день, до дурноты, укачивая похлеще автомобильных пробок. Маркетинговая охота за бессознательным. Парни из стройбригады врубали переносной радиоприёмник так, чтобы он электроинструмент перекрикивал, и целый день приходилось штукатурить под одни и те же треки, ломившиеся в барабанные перепонки. Надоедало настолько, что хотелось уши шпаклёвкой замазывать. Повторение одного и того же напоминало пытку. Кратер под капающим сталактитом. Мелодии въедались в подкорку, текст сам собой выучивался наизусть, но менее мерзким не становился.

Хотя Дэн и понимал, что так песни и становятся шлягерами – безальтернативное навязывание вкусов вырабатывало в слушателях привычку сродни зависимости, но ненавидеть эти джинглы не переставал. Однако со временем стал терпимей, пытка однообразным безобразием оказалась легче пытки тишиной. Ангелы

танцуют на кончике иглы, а призраки обживают черепную коробку. Уж лучше топтаться на месте под дурацкий аккомпанемент, чем позволить себя убаюкать мелодиям воспоминаний и забрести в тёмный переулок мозга. Наткнуться на глубоко зарытое. Верней, зарываемое, поскольку оно всегда возвращается. Чертовски дерьмовое чувство. Вот, ты беззаботно размышляешь о чём-нибудь, никого не трогаешь, а мысль тайком почувствует свободу, срывается, как дура, с поводка, начинает скакать от ассоциации к ассоциации. И тут – ррраз!.. Морок забвения спадает как саван, обнажая под собой звенящий от напруги нерв какого-нибудь наинеприятнейшего житейского опыта.

И нельзя сказать, что этих болезненных воспоминаний всё больше с каждым годом. Взрослея, не только учишься меньше ошибаться, но и вырабатывается некий иммунитет к их восприятию. Растёт безразличие, щитом обволакивающее ранимую душу. Однако, почему-то на проступки юности оно не распространяется. Срока давности самоосуждение не признаёт и бичует старые шрамы чересчур жёстко. Настолько, что копаться в них на предмет «сублимации», «комплексов Электры» и всего подобного, что понапридумывали психологи, желания не возникает. Не надо никаких сложных терминов, просто пока ты мал и глуп, ты делаешь то, за что впоследствии тебе стыдно. Вот и всё. "Понаделаешь делов", не задумываясь о последствиях, а потом всю жизнь обжигаешься. Как о папину марнитку. Марнитка. Ещё один сложный термин. Как и ТЭН, например. Слова, въевшиеся в лексикон с детства, у которых были вполне конкретные картинки вместо определений. Марнитка. Дэн тут же вспомнил, как она выглядит, но как её описать? Её ещё называли электроплиткой. Такой плоский нагревательный прибор, с помощью тока раскаляющий чугунный лист или толстую спираль так сильно, что они начинали выдавать тепло, эквивалентное пламени газовой горелки. И в девяностые зимой это был лучший друг человека.

Угольная печка отапливала дом неплохо, но для работ в хозблоке отец брал с собой марнитку. От обычной электросети она краснела так, что в темноте даже немного светилась. Можно представить, какая температура поверхности у неё была. Как-то чинили они в гараже днище грузовика, и отец, устав греть пальцы дыханием, подтащил марнитку поближе. А Дэн об этом как-то запамятовал. «Подай ключ», — говорит отец. «Ага», — отвечает Дэн и тянется, не глядя, к сумке. Он помнил, что инструмент валялся рядом где-то справа, и шарил по какой-то твёрдой поверхности, полагая, что это всё ещё бетонный пол. Вдруг до него донёсся запах палёной плоти. И только потом скрутила резкая боль от ожога. Он хорошо это запомнил – сначала запах, потом боль. Пока до мозга доходило, что он суёт руки, куда не следовало бы, кожа уже слезала сдувающимися волдырями. Забредёт сознание в закоулки памяти, но, когда

учует ароматы ада, уже становится поздно убегать. Его уже скручивает в три погибели невыносимо неприятный образ себя самого. И стыд занозой зудит и ноет. Поскорей, стиснув зубы, вытащить её из тела, выбросить, забыть, залить бальзамом развлечений, но ещё долго крошечное место от червоточинки будет напоминать о себе (неприятным отзвуком в голосе мыслей), никуда не денется, и в самый неожиданный момент постарается попасться на глаза бурым струпом запёкшейся крови.

По всем правилам игры, эти старые моменты жизни должны вытесняться новыми. В свои годы Дэн уже начинает понимать стариков, впадающих в детство, поскольку его уже сейчас начинает «подводить память». Как будто лимит резервного сохранения уже исчерпан, и, раз уж опции подключения дополнительного пространства не предусмотрено, то приходится чистить рабочие оперативные ёмкости. И вместо старой ненужной информации под нож почему-то попадает недавно приобретённая. При том что голова забита какими-то школьными буднями, детсадовским кипячёным молоком с пенкой, но если зазеваться, иной раз не напомнить себе недавнее событие, то всё – ускользнёт, будто не бывало. Недавно, тут, Дэн навострился взять больничный и, прекрасно помня, что оформлял его совсем недавно, внезапно с изумлением осознал – стёрлось. Ничего не помнит. Стрессовые моменты остались, например, как по снегопаду искал больницу, как зашёл в платный семейный центр, как заполнял формуляры, как оплачивал приём врача, как удивила сумма – это сохранилось. А вот как забирал документы обратно и что с ними делал потом на работе – это куда-то подевалось. Поразительно, но совершенная пустота. Если тенденция сохранится и дальше, то, действительно, в голове останутся только раскалённые стыдом марнитки ошибок, от которых измученный рассудок старика не найдет другого выхода, как спрятаться в беззаботном детстве.

Дорога пузырилась машинами словно лужа под дождём: крупные разноцветные горы металлолома вырастали из ниоткуда прямо перед капотом, не давая опомниться, нагло подрезали, запоздало включая поворотники в бесхитростной убеждённости в силе их магических свойств, или по крайней мере в равнозначности их с мигалками "скорой". Дэн чуть не врезался, когда отвёл глаза, чтобы ткнуть в мобильник, высветивший входящий вызов:

– Бергенов, ты достал!

Ректор. Злится. А к злости примешивались нотки паники. Дэн почувствовал себя виноватым.

– Да еду я, Риммиронна. Пробки.

– Ты осознаёшь вообще, кто тебя ждёт? Кого ты подводишь?

Ой, да куда там. Дэн отрезал:

– Спешу, как могу.

И скипнул вызов. Ничего, подождёт. Не министр покамест, хе-хе. Да и хоть бы и министр, то же мне. Не бетон же стынет. Вершители судеб. Чинуши.

Дэн, не прибавляя скорости, свернул с шестиполоски в сторону облцентра. Соблюдая, между прочим. Но, почему-то, не все водители считали правила обязательными.

– Джаляпь, – от неожиданности выругался Дэн, дёргая руль.

Какой-то седан запутался в дорожном полотне, передумал двигаться в своём ряду и решил подвинуть Дэна. Пёр напролом, зная, что Дэн уступит. Вокруг машин будто существовали силовые поля невмешательства, отталкивающие кузовы друг от друга. Бережливость автовладельцев, не желающих рисковать, позволяла наглецам испытывать судьбу и пробовать на прочность это гипотетическое силовое поле. Дэн позволил наглецу протиснуться, буквально затылком ощущая, как начали возмущаться водители позади него, бранясь на мягкотелого собрата, не выдержавшего противостояния нервов, но тоже стесняющиеся и не рискующие вступить в бой. Потому что машины, в него вступившие, так и называются – «бой». Бой металлолома.

Передние авто начали притормаживать и встраиваться в правый ряд. Дэн поступил также, подождал, пока его пропустят, вклинился, проехал чуть вперёд и достиг причины сужения колеи. Авария.

– Как всегда такси. Почему всегда такси? – пробормотал Дэн, косясь на участников инцидента.

Две сцепившиеся бамперами тачки стояли оазисом спокойствия посреди бегущей трассы. Их водители неспешно прогуливались, глазея по сторонам, а регулировщик помахивал палочкой, указывая объездной путь. Идиллия, к которой даже захотелось присоединиться. Дэн заметил, что участниками аварий частенько становились таксисты. Выходит, им чаще других приходится проверять «силовые поля» на прочность. А почему? Разве, разбив авто, они не лишаются заработка? Может, потому что для них «разбить авто» – это, зачастую, синоним к фразе «разбиться на авто»? Либо пан, либо пропал. Ты или заканчиваешь заказ и получаешь средства к жизни, либо сразу заканчиваешь жизнь. Философия трезвого отношения к реальности. Без компромиссов. Без

сделок, в которых обмениваешь кусок хлеба на лояльность. Либо честно, либо никак. Интересно, а каков процент аварий, инициированных таксистами с клиентами на борту?..

Показались гигантские стеклянные геометрические фигуры. Многоэтажные здания областной администрации. Застроили огромный участок парка этим кубически-сферическим ансамблем и перенесли туда и думу, и мэрию, и министерства. Стало удобней и ближе к столице, вот только сколько труда, денег, времени и нервов всё это стоило, не уточняется. Перемещение министерства (конкретно, просвещения) в пространстве, естественно, совпало и со сменой схем аккредитаций, лицензирования, дотаций и так далее. Ректор чуть не свихнулась, пока переадресовывала в новое ведомство бухгалтерию – к частично коммерческому колледжу у новых инспекторов оказалось пугающе много вопросов.

Дэн, поглядывая на проезжую часть, набрал номер ректора.

– Да, Денисушка, неужели ты о нас вспомнил?

– Я подъезжаю…

– Не верится.

– Как там проехать?

– Там один заезд. На КПП запишут номера и паспорт.

– А машину куда?

– На парковку. Тебя направят, только приезжай.

– Ясно. Заезжаю.

– Давай скорей, а?

Дэн, вглядываясь в чёрно-золотистую ограду архитектурного комплекса, увидел съезд, свернул к воротам и остановился, выпуская роскошный «мэрс». Затем лихо врулил в пространство перед шлагбаумом и, заглушив мотор, вышел. Тасуя в руках документы, он подошёл к окошку охранника на пропускном пункте.

– Бергенов? – громко и зло переспросили оттуда.

– Э-э, да.

Сидящий на вахте громила проштудировал сразу три списка, нашёл нужную фамилию пальцем и недовольно махнул этим же пальцем над столом, разрешая Дэну проехать.

– Ахмок, – пробормотал Дэн, свирепея и рывками пряча документы во внутренний карман. Но, сев за руль, понял, что как-то неожиданно для себя оказался на взводе, так что медленно выдохнул, заставляя себя успокоиться.

Столичные поездки кого угодно выведут из себя. Дэн почувствовал себя сейчас излишне взвинченным. Это обязательно негативно скажется на остатке дня, поэтому надо переключаться на другую волну, расслабиться и готовиться к встрече с ректором. Наверняка, там будут ждать свои заморочки.

Дэн проехал под шлагбаумом пару метров, когда вооружённый укороченным «утюгом» охранник в каске показал свернуть с проезжей полосы в специальный «карман». Дэн заглушил мотор и пошёл открывать багажник под угрюмым взглядом упакованного под завязку вояки. Как на блокпосту, подумалось Дэну.

Синеющие окнами корпуса администрации были не такими уж гигантскими, как казалось издали. Но всё равно, внушали. Перед ними простирались бесконечные заасфальтированные площади парковок, стиснутые красивым чёрным штакетником с узором в виде золотых орлов и пшеничных снопов по всему периметру. Но стоянки не окружали здания, а примыкали к трассе. С тыльной же, так сказать, стороны многоэтажек видны были какие-то неухоженные заросли. Часть их была вырублена, а часть просто завалена бетонными плитами и укутанными в синий полиэтилен поддонами с мешками цемента. Прямо вплотную к забору с той стороны елозил гусеницами экскаватор. Над диким виноградом, цепляющимся за витых орлов высохшими лозами, клубилась пыль. Буквально через дорогу от администрации за куцей оградой всё ещё производились строительные работы. Дэн услышал стрекотанье электроинструмента и мат рабочих, суетившихся вокруг желтевших сквозь тоненькие чёрточки забора автокранов.

– Стоянка четыре. Туда, – указал дулом «утюжка» охранник и, пшишикнув рацией, отошёл, что-то бубня. Дэн не расслышал. Было довольно шумно из-за близости автострады. Странное всё-таки место для мэрии, впрочем, перекрёстки издревле облюбовывали себе… Дэн усмехнулся собственной шутке, прыгая на сиденье. И вспомнил, что, действительно, всех цыганок, гадающих или просящих милостыню, видел и встречал только на перекрёстках. Как он помнил из детства, у них по району селилось множество цыган, но они никогда не просили позолотить и ничего не всучивали на продажу, иногда даже нанимались разнорабочими, но вот на перекрёстках в городе – совсем другое дело. Однажды

Дэн увидел, как прямо на пешеходном переходе, пока горел зеленый, цыганка торопливо шарилась во внутренних карманах распахнутой куртки какого-то паренька, а тот завороженно смотрел на её руки, слушая околдовывающую скороговорку. Вообще Дэн видел ещё парочку таких примеров, но никогда не попадал в подобные ситуации сам. Он как-то с детства убедил себя, что гипноз на него не действует, и смело смотрел всяким проходимцам прямо в глаза. Одна цыганка упорно его тормошила на предмет раскошеливания, но он твёрдо и спокойно говорил ей: «нет», пока та не пустила в ход последнее средство. Видя, что объект непрошибаем, она указала на укачиваемую в руках ляльку и произнесла вкрадчиво: ну, ребеночка пожалей, а, дай монетку. Почему кто-то попадался на эти «магические» удочки, Дэн до конца не понимал. В мире явно таилось что-то неизведанное, но где и в какой момент оно могло повлиять на него самого, оставалось великой загадкой. Как от него защищаться – тоже было неизвестно, что частенько тревожило Дэна. Он не особо любил неопределенности.

Дэн отогнал машину на стоянку и позвонил ректору:

– Вы в каком корпусе?

– Слушай, Темур Автандилович нашёл нам грузчиков. Ты, давай, подгони машину к главному входу седьмого корпуса. Только в темпе.

Дэн засомневался, вспомнив указующее дуло.

– А разве можно?

– Быстро!

Телефон замолчал. Дэн, вздохнул, забил в навигаторе «бульвар Строителей, 1к7» и, не разгоняясь, подъехал к зданию с шарообразной крышей. Перед колоннадой входа кругом разбегались ступеньки почти до самого забора. Ограждение было такое же, как и на въезде: тонкие высокие чёрные стержни и золотые вензеля с госсимволикой, их соединяющие и служащие в качестве украшений.

Дэн вышел из машины и позвонил ректору. Ожидая ответа, он побродил вдоль первой ступеньки лестницы, попинал ограду, сквозь которую тянулись кривые пальцы ветвей негустой поросли и даже кое-где свешивались сухие маковки борщевика. Декоративный вьюн, беспрепятственно оплетающий забор, как подумалось Дэну, возможно, даже и не преднамеренно высажен садовником. Скорее всего, это дикое растение случайно нашло себе удобный плацдарм для роста, и так и не было никем потревожено. Ибо не до него было – по ту сторону

во всю шла стройка. Масштабы, как и всё в государстве, её были довольно обширны, так что, пока работы шли, строительным мусором завалено было буквально всё. Прямо под носом у мэра, депутатов и министров за тощим, пусть и красивым, ограждением, чисто для виду защищённым пикообразными навершиями, прямо на квёлой траве, и в помине не знавшей триммера, валялся толстый стой пыли и бетонного крошева, какие-то куски старой штукатурки и мебели, металлический лом и всевозможный хлам. До забора от первой ступеньки лестницы было лишь несколько метров – место для разъезда двух машин.

«Как всегда, – усмехнулся в усы Дэн, слушая телефонные гудки, – красота и ужас соседствуют нераздельно».

– Денис, мы выходим. Ты на месте? – подняла трубку ректор.

– Да, Риммиронна, – спохватился Дэн. – Мне к вам?

– Мм, да, давай, – и бросила трубку. Куда «к вам»?

Дэн крякнул и засеменил по гигантской лестнице к высоченным распашным дверям, в которых столкнулся с выносящими коробки парнями.

– Подержи дверь, – крикнула ему, не здороваясь, Римма Мироновна, как только завидела его в дверях.

Дэн ухватился за край створы, отошёл в сторону и потянул до упора. В проём прошли пару носильщиков.

– Ваш автомобиль?! – вдруг гаркнул кто-то над ухом.

Дэн вздрогнул. Оглянулся. Детина с гарнитурой в ухе в чёрном костюме и белой рубашке с галстуком. Охранник.

– Мой, — кивнул Дэн.

– Здесь нельзя парковаться.

Дэн не двигался, вцепившись в дверь.

– Вы не видите? Загрузим пару коробок и уедем.

– Слово «нельзя» не понимаешь?! Тащи коробки до стоянки! – заводился охранник.

– Спокойно, Лёня, у них есть разрешение.

Это от стойки регистрации к ним успел вальяжно подойти статный пенсионер с серебристым пробором. Меркадзе. Дэн видел его в колледже. Если Меркадзе являлся в «Легну» не для участия в каких-нибудь торжествах, то к его приезду обычно организовывали выступления творческой самодеятельности. Насколько понимал Дэн, он курировал коммерческие проекты в педагогической отрасли.

– Здравствуйте, Темур Автандилович, – громко весёлым тоном провозгласил Дэн, давая понять охраннику, что всё схвачено.

Меркадзе слегка кивнул, полуулыбаясь, и снова побрёл к ресепшну, оперевшись на столешницу которого, копалась в своей сумочке ректор. Он что-то стал ей внушать размеренным говорком, на что та кивала, стараясь глядеть на него и при этом продолжая выуживать что-то со дна сумки.

Охранник цыкнул зубом, зыркнул сверху вниз и отошёл. Дэн пропустил последнего носильщика и поспешил к машине открывать багажник.

– Да, да, я поняла, – говорила ректор на лестнице, сходя почти спиной, чтобы не отворачиваться от Меркадзе. Тот вслед за ней не шёл, а стоял в дверях, как барин на крыльце вотчины.

– Поехали уже, – прошептал Дэн Римме Мироновне, когда она с ним поравнялась, – тут как в гестапо.

Ректор бросила на него взгляд, ничего не сказала, зачем-то потрогала рукой края коробок, будто убеждаясь, что они реальны.

– Закрывай, поехали, – наконец сказала она и поцокала каблуками к пассажирскому креслу.

– Слава Божу.

Дэн защёлкнул крышку и обернулся. Меркадзе стоял на обширной верхней ступеньке у колонны и курил.

– До свиданья, спасибо, – полукрикнул ему Дэн.

Меркадзе кивнул и затянулся.

Дэн ввалился в салон, захлопнул дверь и завёл двигатель.

– Куда? – спросил он.

– В спецкорпус. Он, пока что, на тебе.

Дэн замер с ключом в гнезде зажигания.

– Ага. Я, кстати, не понял, что там с Эдиком?

Римма Мироновна сидела, обняв сумку, и смотрела вперёд. Дэн завёл двигатель и покатил к выходу, поглядывая на неё в ожидании ответа.

– Пропал твой Эдик, – спокойно выдала ректор.

– Как это – «пропал»?

Они вырулили за ворота административного комплекса.

– Дома нет, на звонки не отвечает, никто не знает, где он и что с ним. Вот так вот – пропал.

Дэн повёл подбородком.

– Ну, дела.

– Да, – подтвердила ректор. – Так что, принимай смену. Но, думаю, замену ему быстро найдут.

Кто найдёт? Римму, что, увольняют?

– А разве не вы кадры распределяете? – осторожно вбросил Дэн.

– Тут мои полномочия всё: спецкорпус в юрисдикции совета директоров. Там своя специфика управления.

Ясно. Разделяй и властвуй.

– Интересно. А педсостав?

– Частично. Всё частично, Бергенов, ты ещё не привык? А мне привыкать приходится: на меня и минобраз давит, и инвесторы, а теперь и минпросвет подключился. Молот, наковальня и… я не знаю… клещи.

– У-ху-ху.

Римма выдохнула и чуть сползла по сиденью, поудобней устраиваясь.

– А Темур Автандилович… он – кто? – спросил Дэн, немного помолчав.

– Координатор исполнения региональных проектов, – лениво пробормотала Римма Мироновна.

– Замминистра?

– Советник. А, может, и зам уже. Я не в курсе всех их пертурбаций.

Дэн хмыкнул. И продолжил допрос:

– А почему минобраз – в первом корпусе, а он в седьмом сидит? Тут же дума, вроде, законодательная ветвь, а министерство – это исполком.

Римма Мироновна поморщилась:

– Ой, я тебя умоляю, кто бы что различал. Тут сидят все шишки, потому что так солиднее. Первый корпус на задворках где-то, а мэр и депутаты тут, поближе.

Дэн пожал плечами.

– Там, вроде, даже поспокойней. Тут трасса воняет, шумно, и вообще грязный какой-то корпус, мусор прямо под окнами валяется, строители орут, сверлят, матерятся…

– Да, алло? – громко перебила его ректор.

Она говорила по телефону, глядя в окно направо. Дэн тактично настроил радиостанцию на слегка слышный фоновый звук, чтобы не подслушивать, и сосредоточился на дороге.

– Пошли, получишь ключи, – сказала ректор, когда они заехали во двор колледжа.

Она юрко выпорхнула и быстро направилась к посту охраны. Дэн на бегу запер дверцы и догнал её уже у стойки.

– Распишитесь, – сторож развернул и отодвинул от себя конторскую книгу.

Ректор заполнила графы и оставила закорючку. Дэн тоже отметился. И сторож закрепил всё это своей печатью, убрал книгу в железный шкаф и там же стал искать нужный ключ. Дэна подбешивал нарочито повышенный уровень безопасности всего, что касалось спецкорпуса, однако мало с ним был связан, так что харчами не перебирал.

Охранник выдал ему ключи.

– Пошли, – поторопила ректор. – Езжай ко второму входу.

– Так я… Э, ладно.

Она пошла пешком через двор, а он тронул свой универсал по объездной дорожке.

Рядом с Риммой Мироновной уже околачивался пойманный ей по дороге уборщик. Вместе с ним Дэн занёс тяжёлые коробки в тёмный коридор спецкорпуса.

– Тут ставьте, – распорядилась Римма, указывая на пол у стены.

– Прямо тут?

– Да, там разберутся.

– Хозяин – барин.

Дэн отряхнул ладонь о ладонь, выпустил уборщика, запер помещение и подошёл к ректору. Она уже кому-то позвонила, убрала телефон и мотнула головой в сторону главного корпуса.

– Пошли, вернём ключи.

– Зачем? Мне же завтра отпирать.

– Завтра уже видно будет, – с напором ответила Римма Мироновна. Она терпеть не могла спорить. Вернее, тех, кто с ней не соглашался.

Дэн развёл руками:

– Я сейчас хотел осмотр провести.

Римма Мироновна покусала губу, задумавшись на мгновение.

– Ладно, – согласилась она и шагнула с порога на асфальт. – Зайдёшь ко мне, как закончишь. Мне ещё поработать надо.

– Супер. Я быстро.

Ректор начала уходить, потом развернулась:

– Коробки не распечатывай, там пломбы.

Дэн кивнул:

– И не очень-то хотелось.

– Ага, – бросила она на ходу, уже не поворачиваясь.

Дэн сел в машину и неспешно покатился вокруг спецкорпуса до интересующего его закутка. Заглушив двигатель, он вышел на середину небольшой площадки между двух углов зданий и осмотрелся. Тут, в глубине учебного двора, сходилась пара архитектурных выступов, образуя пятачок, почти не видный с обеих сторон пролегающей здесь дорожки. Тут однажды поставили скамейки, и невзначай тем самым призвали демона праздности, соорудив что-то вроде Мекки для прогульщиков. Администрация спешным образом лавочки демонтировала, и озеленители разбили здесь небольшую клумбу, пытаясь сделать этот проход более оживлённым, дабы курильщикам, облюбовавшим это место навеки вечные, было сложнее осуществлять свои гнусные замыслы.

Однако, к сожалению, одними прогульщиками дело не ограничивалось. К своему ужасу Дэн за несколько лет на должности завхоза сделал несколько странных наблюдений, связанных с этим пятачком. Похоже, что на территорию «Легны» ночью пробирались незваные гости, и чем-то привлекало их именно это место. Дэн обнаруживал здесь презервативы, шприцы, самокрутки, жгуты и следы порошков разных консистенций. Наркоманы не были чем-то для него удивительным: в девяностые они с отцом постоянно защищали ферму от нашествия искателей «чего бы такого обменять на дозу», а в нулевые Дэн даже поохотился на наркокурьеров, будучи пограничником в Термезе. То есть он осознавал опасность таких посещений. Но отравить собаку, чтобы, не привлекая внимания спящих, прорезать лаз в заборе из рабицы и вынести алюминиевые баки или железную лестницу – это одно. Или провезти в кишечнике ишака килограммов пять «хмурого», а потом отстреливаться, прикрываясь его же тушей, когда попался патрулю с ищейкой. Но здесь было по-другому. Дэн находил то в клумбе, то прямо на асфальте выпотрошенные трупы мелких животных, надписи на латыни и руны, следы крови, волосы, кости. Что-то пугающее творилось тут, и Дэн хотел выяснить, что именно. Если это какая-то конкретная группа лиц, которые откуда-то узнали про данный закоулок, то неплохо было бы просто избавиться именно от них. Чтобы всё закончилось тихо, пока они не привели сюда по доброте душевной своих последователей. А для этого нужны были доказательства бесчинств, желательно с фотофиксацией физиономий. И Дэн решил прикупить видеорегистратор и установить его куда-нибудь в незаметное место.

Поэтому он и опоздал сегодня в министерство. Когда утром Римма сообщила, что вместо Мирзаханяна за оборудованием для спецкорпуса нужно будет заехать ему, Дэн понял, что, пересекая столицу, можно будет заскочить на рынок электроники и выбрать камеру наружного видеонаблюдения. Это оказалось сложнее, чем он полагал, пришлось даже звонить штатному программисту Демиду Калишу за консультацией, как и что приобретать, но, в конце концов,

какой-то из вариантов его устроил, он выложил не слишком большую сумму из собственных средств и поспешил за коробками к Римме.

Сейчас он достал покупку и разложил на капоте. Провода от роутера к розетке, сам роутер, питающийся от сети разветвитель с короткими проводами, микрокарта памяти, зарядное устройство для аккумулятора камеры, пауэрбанк, тюбик герметика и вай-фай-модуль, собственно, с самим видеофиксатором. Небольшой такой, размером с яйцо, девайс, но сколько же барахла с ним в комплекте. А казалось бы, прогресс движется по пути упрощения жизни. Впрочем, смотря для кого.

Дэн взял роутер и пошёл к ближайшему входу в спецкорпус, отпёр дверь подобранным ключом из связки и вошёл. Пока он искал розетку, ближайшую к предполагаемому месту установки камеры, заметил, что все аудитории, двери которых выходили в коридор, были заперты на электронные замки с кнопками для ввода код-ключа.

– Мажоры, – только и нашлось Дэну как прокомментировать странную паранойю совета директоров.

За телеэкраном под потолком розетка-таки нашлась. Дэн постоял под ней, смотрел-смотрел, примеривался, но в итоге вынужден был снова выйти, всё запереть и сходить в свою каптёрку за стремянкой, вернуться и уже с неё подключить вилку питания роутера в электросеть. Сам роутер Дэн примотал проводом его же блока питания к кронштейну телевизора. Затем он вытащил кабель интранета из телевизора и включил в специальный разветвитель с гнёздами для сетевых кабелей. Потом кусок провода тоже воткнул в разветвитель и в WAN-разъём роутера, а второй обратно в порт телеэкрана. Разветвитель вставил в розетку и также примотал к кронштейну. Заценив изящность и прочность навязанных им гордиевых узлов, он спустился и вытащил лестницу на улицу.

Дэн примерно представлял, где могли проходить бесчинства, поэтому оглядел стену напротив в поисках укромного местечка для камеры. Зазор между ветхой кирпичной кладкой и отливом окна второго этажа очень даже неплохо подходил. Дэн раскрыл стремянку у выбранного участка стены, пошатал на устойчивость и вернулся к капоту. Взял в руку шарик видеокамеры, повертел, нашёл включатель и тут вспомнил, что надо проверить, работает ли устройство, вообще.

Дэн переложил камеру в левую руку, правой достал наладонник и позвонил Калишу.

– Мидич, даров. Я всё подключил, можешь посмотреть?

Когда бы Дэн его не потревожил, Калиш всегда был на связи.

– Минуту, ща, – бодро отозвался он. – Угу, вижу. Так, присвою адрес. Готово. Всё, держи ссылку.

Дэн убрал смартфон от уха, перевёл на громкую связь и нашёл во входящих сообщение от Калиша.

– Что это? – спросил он.

– Пароль от роутера. Можешь подключиться.

– А так можно?

– А чё нет?

Ну, наверно, ему виднее. Дэн вытянул окошко настроек сверху экранчика и нажал на значок вай-фая. Телефон поискал ближайшие источники сигнала.

– KJH453? — оскорбил Дэн английский своим произношением.

– Ну, типа, — ответил Калиш.

Дэн выбрал "KJH453" и ввёл в специальное поле скопированный из сообщения пароль. Смартфон подключился к интранету колледжа. Дэн свернул окно настроек, вернулся в сообщение от Калиша и перешёл по электронному адресу. На белой странице сайта желтели несколько папок и похожий на окно квадрат прямой трансляции. И в этом окне он увидел себя. Дэн повертел в руке камеру, и изображение на экранчике поплыло, отражая небо, асфальт, стены корпусов.

– Мич, ты гений, – восхитился Дэн.

– Работает?

– Шикарно. Спасибо. Я полез устанавливать.

– Ни пуха.

Дэн сбросил звонок и сунул смартфон в карман. Покрутив камеру, он нашёл гнездо для карты памяти. С капота он подобрал так же и пауэрбанк, подключил к специальному гнезду и убрал в куртку, куда же отправил и тюбик герметика. Держа одной рукой камеру, другой он стал перехватываться за перекладины, пока взбирался по лесенке. Поискав глазами лучшую точку для размещения, он разгрёб пальцами бетонную крошку. Старая изъеденная годами эрозии кладка

сыпалась, как печенье. Слегка приподняв лист металла, Дэн засунул яйцо камеры вместе с хвостом дополнительной батареи под отлив. Плоский прямоугольник аккумулятора легко скользнул к раме окна и упёрся в порыжевшую монтажную пену, а зажатая между краем кирпича и оцинковкой видеокамера встала как литая. Правда лист стал бугриться, но это можно было заметить только из помещения, а прохожие снизу различить выпуклость не должны были. Дэн вынул смартфон, снова зашёл на созданный Калишем «ай-пи-адрес» и, глядя на квадрат трансляции, немного повращал объектив рукой. Добившись нужной точки обзора, он убрал наладонник и подумал, как бы сделать камеру максимально незаметной. Герметик не пригодился для фиксации её положения, но им можно было налепить камешки и бетонный сор прямо на корпус гаджета, оставляя открытым только чёрный слепой глазок. Позанимавшись немного художественной лепкой, Дэн критически оглядел результат и довольный полез на землю относить стремянку на место. Он отогнал машину на стоянку и направился к Римме Мироновне звать её сдавать на ресепшн ключи.

День четвёртый

Досье третье

Нежно vox омерты

Populi сдавил.

Не везёт мне в смерти,

Повезёт в любви.

Сознание Дэна собралось с силами, выползло из расслабляющего марева сновидений, и Дэн понял, что его разбудил телефонный звонок. Он выпростал руку из-под одеяла и дотянулся до тумбочки. Прежде чем ответить, успел заметить цифры на экране: 06:10. До срабатывания будильника оставался ещё часик.

– Денис! – Римма Мироновна едва узнавалась по голосу. Он показался слишком взволнованным.

– Да, – не с первой попытки прохрипел Дэн.

– Денис, просыпайся! Приезжай срочно в колледж, у нас ЧП.

Что-то у вас ЧП, как грибов.

– Ладно. Хорошо.

– Только давай быстрей, ты нужен тут.

Как обычно.

– Ладно, выезжаю.

Он пошёл в ванную. После тридцати пяти просыпаться стало значительно легче, чем в юности. Так что с первой же пригоршней воды в лицо он стал чувствовать себя значительно бодрее. Но была и оборотная сторона – после тридцати пяти становилось значительно сложнее уснуть.

Завтракать он не стал. Хоть бабуля и говорила, что ужин отдай врагу, а завтрак съешь сам, с возрастом необходимость начинать день с чашки чего-нибудь горячего прошла. Эту чашку потом приходилось сгонять на тренажёрах, чтобы не было противных жировых складок под кожей. Дэн, вообще, в общаге, помнится, жил с соседями, питавшимися только пивом и брикетом доширака в день. И при этом абсолютно не худеющими.

Дэн оделся, запер дверь и сбежал по лестнице к машине.

Что у них там могло случиться? – хмуро размышлял он, привычно съезжая с трассы на объездную сквозь лес. Утром в сторону столицы можно было застрять часа на два. Дэн перебирал в голове события вчерашнего дня. «Может, я двери не запер, и их драгоценные коробки спёрли?» Да нет, он точно помнил, как поворачивал ключ.

Может, Мирзаханян вернулся и … и что? Взял в заложники уборщицу? Блин, по-любому со вчерашней поездкой связано. Может коробку забыли или взяли не то? Сторож ключи потерял? Надо проверить, идёт ли запись на флэшку, что-то я забыл про неё совсем. Калиш, вроде, говорил, что запись на серваке будет три месяца храниться. Или это мне продавец говорил про лимит батареи? Джаляпь, страшно представить, как этот отснятый материал просматривать. А реально, как? Какую-нибудь прогу для визуализации видеодорожки надо установить, чтобы на видеофайл смотреть как на киноплёнку. Где-то я такое видел… В видеоредакторе, что ли. Так гораздо легче найти какой-нибудь нужный кадр, чем на быстрой перемотке. Особенно в том тупичке после уроков: пустота, пустота, пустота, потом – хоп – что-то появилось. Сразу заметно будет. Или так не бывает? Интересно, Калиш шарит в этом? Как звали того минского помощника режиссёра, который у нас водителем подрабатывал? Вот он

разбирался в софте для видеомонтажа. Сколько лет прошло, странно будет с ним связываться и спрашивать совета – он подумает, разводила какой-то. А если бы мне кто-то из прошлого позвонил и спросил что-нибудь? Или мне и так звонили? Помнится, Олег писал, денег просил. А ещё Антоха предлагал встретиться, когда в Михайловск приезжал, да меня уже там не было. И всё. Да, кому я нужен? Точнее, что я такого знаю, что у меня кто-нибудь спросить догадается? Только придурки из армейки под синим делом. А по гражданке у всех своя голова на плечах. Да и Интернет. Сейчас любой туториал можно на стоках посмотреть, на практике, в подробностях. Не то, что в моё время. Пришёл на электростанцию после колледжа: «А-а-а, так вот как выглядит теплообменник – это, на хрен, трубка в трубке, а мы, джаляпь, пять лет делили энтальпию на удельную теплоёмкость…, вообще не отдупляя, что цэ за звери такие». Экономайзер в глаза не видели, даже не представляли, что он выглядит как обычная бочка. Образование называется. Хотя, в институте с этим делом получше было. Однажды училка по математике заболела, мы пару проваландались, приходим на геологию, а там надо построить функцию предполагаемого объёма породы. Мы сидим и друг на друга смотрим, куда попали, типа? Гля, точняк, был ещё такой один случай. У нас все — профильники по горной добыче, один я из теплоснабжения. Все эти «материаловедения» — для меня тёмный лес, вообще не интересно было учиться. А однажды препод заходит, спрашивает, «Эн211»? Мы такие, да, как бы… Он, отлично, тема лекции: теплопотери на зольность. И давай по адиабатным процессам спрашивать. Я один ему отвечал. Он, по сути, весь урок со мной проработал. А на перемене прибегает Толпина: Павел Борисович, у вас группа Эк211, а не Эн211. Он такой: ой, извините, я пошёл. А я: эй, вернитесь, а как же я? Бросите опять в этом болоте сопромата?.. И Толпина со своими телами вращения меня в бездну уныния опять – бац. А, да, кстати, о «телах вращения». Геологичка нас спрашивает, а вы почему не решаете задачу? Мы: а как её решать? Первый раз видим. И она такая: а вы разве не проходили ещё функцию объёма тел вращения, у вас предыдущим занятием по математике эти вычисления должны быть. Мы: Толпина заболела. И геологичка: а, ну, понятно теперь. Жаль, тогда вернёмся к предыдущей теме. Для меня тогда откровением это было. Математика небесполезна?! Учебные дисциплины могут быть связаны друг с другом?! Обучение может чему-то обучить?!!

Дэн припарковался рядом с воротами, открыл их своим ключом и направился в главный корпус. Осень выдалась сухая и ветреная. Заморозков ещё не было, но тополиные листья уже скапливались ворохами у бордюров.

Дэн набрал номер ректора.

– Денис? Ты приехал?

– Что тут за ЧП?

– Ты где?

Дэн остановился.

– Э-а… у первого входа главного.

– Стой, подожди меня.

Дэн застегнул куртку поплотней, немного постоял и всё же решил зайти внутрь и ожидать в тепле. Но не успел он подойти к дверям, как Римма Мироновна уже выскочила. На ней лица не было, верней, оно как-то обвисло, будто она лет на десять постарела. Губы плотно сжаты, стеклянный взгляд.

– Здравствуйте. А что…

– Пойдём, – она схватила его под руку и потянула в нужную ей сторону. Даже не схватила, а просто повисла на его локте.

Дэн гадал:

– Что-то украли?

Римма его не слышала:

– Ты запер ворота за собой?

Он как-то не запомнил. Опять те же грабли.

– Н-нет, вроде просто прикрыл…

Римма дёрнула головой:

– Нельзя никого впускать.

Она принялась звонить охраннику. Попросила того проверить все калитки, ведущие на улицу. Дэн растерянно семенил в её темпе.

– Да что случилось-то?

– Почти пришли.

Она тянула его прямо к тому закутку, над которым он установил камеру. Дэн пытался убеждать себя, что никаких серьёзных последствий его инициатива не

могла вызвать, но вся эта ситуация провоцировала в нём нехилую тревожность. Он оглядывался по сторонам, пытаясь заметить какие-нибудь намёки на произошедшее. Дверь, через которую он проносил лестницу, они миновали, так что причина скорее всего была не в его забывчивости, но от сердца не отлегло. Нашли видеокамеру? Ну и что, подумаешь…

А потом он увидел. Примерно посреди пятачка на асфальте рядом с клумбой. Так неожиданно и неуместно, как будто у проходившего мимо великана просто выпало из кармана.

Они остановились. Римма вглядывалась в лицо Дэна снизу-вверх, будто пытаясь проверить, видит ли он то же, что и она.

– Что за?.. – пробормотал Дэн, щурясь.

Ему самому хотелось убедиться в реальности того, что он видит. Римма Мироновна стояла на месте. Он шагнул вперёд, надеясь, что рука выскользнет из её объятий, но та уцепилась накрепко, не пуская от себя.

– Ничего не трогай! – почти крикнула она.

Дэн вкрадчиво ответил:

– Я просто посмотрю.

Римма Мироновна едва не плакала. Он подбадривающе похлопал по тыльной стороне её пальцев, и ректор разжала хватку. Она что-то бормотала, всхлипывая, её руки, как макаронины, безвольно упали вдоль тела.

Пологий пирамидальный треугольник лаково поблёскивал в утренних лучах фрактальными узорами. Это напоминало застывшую расплющенную каплю, засыхая, обросшую хаотичными прожилками. Хотя, не совсем хаотичными.

Дэн приблизился к конструкции.

Сперва он подумал, что это декорация к фильму. Реквизит. Может, студенческий киноклуб оставил. Потом понял, что сходство с фильмом лишь случайно, точнее фильм был бы вторичен по сравнению с этим. Обычно киношники не упускают возможности снять так называемый «байопик» по горячим следам. Да и такие замороченные декорации вряд ли бросили бы.

Дэн повернулся к Римме Мироновне:

– Это что… это ученица?

У ректора дрожали губы, она долго просто смотрела в одну точку. Наконец выговорила:

– Яночка.

И зарыдала.

Впрочем, тут же взяла себя в руки и перевела дух.

– Полицию вызвали? – спросил Дэн, вглядываясь с ужасом и недоверием в картину под окнами спецкорпуса.

– Да. И скорую.

– Ну, скорая тут уже не поможет, – неслышно высказал предположение Дэн, подбираясь поближе.

В тупичке посреди площадки находился довольно большой, метра три в поперечнике, жиденький круг из металлических деталек, похожих на советский детский конструктор. Тонкие маленькие сочления крепились друг к другу, выстраиваясь в длинные прямые и кривые линии. Сочетая в себе несколько сложных геометрических фигур, концентрические слои поднимались пологой пирамидкой сантиметров на пятнадцать над асфальтом, а в центре резко уходили вверх, превращаясь в крестообразный шпиль. На этой оказавшейся удивительно крепкой структуре, хоть и состоящей из тысячи, наверное, мелких соединений, валялись ненужными забытыми тряпками яркая красная курточка, явно женская, пара матерчатых сумок, их еще называют, кажется, шопперами, и небольшая кроссовка, застрявшая в этом каркасе. А ещё кровь. Накапавшая с нанизанного на крест лицом вниз тела.

Студентка. Еще совсем девочка. Яночка, как выразилась Римма Мироновна.

Дэн сглотнул, осторожно обходя место происшествия.

Крест был высотой с метр. Его верхушка пробила Яне грудину и топорщила куртку сверху. Куртка, кстати была похожа на ту, что валялась рядом, а так как Яна вряд ли была в двух сразу, то тут явно вчера присутствовал кто-то ещё. Обувь тоже была на обеих ногах погибшей.

Руки девочки свободно свисали по сторонам. Она будто сделала это сама. Например, спрыгнув с подоконника. Дэн поднял взгляд на стену спецкорпуса и вспомнил про свою камеру. Её чёрный глазок смотрел из-под отлива прямо на него. Дэн сглотнул снова. Он понял, что оставивший куртку и кроссовку некто – не единственный свидетель случившегося. Если камера проработала этой ночью

исправно, то запись произошедшего должна лежать на сервере учебного интранета.

От ворот донёсся такой характерный гудок полицейского экипажа.

Дэн обернулся к Римме Мироновне. Она разговаривала по телефону. Её взгляд теперь стал серьёзным и непроницаемым. Она кивала, слушая собеседника.

Дэн пошёл к ней, ректор заметила это и зашагала от него, сохраняя дистанцию. Дэн остановился. Ладно, подумал он, охранник откроет.

Дэну вдруг остро захотелось сохранить запись для себя, до того, как её извлекут полицейские и сделают недоступной. Что делать? Бежать за лестницей и вытаскивать камеру? А вдруг поймут, что там что-то было, найдут его отпечатки? А вдруг решат, что он ведёт себя слишком подозрительно с лестницей на месте преступления? Ну, нет, здесь ничего трогать нельзя, Римма права. Просто надо скачать файл с сервера.

Можно перейти по ссылке, как вчера, со смартфона, но с компьютера будет больше возможностей манипулировать записью. Дэн развернулся и поспешил в свою каптёрку. Римма Мироновна его не окликнула. Там он спешно включил компьютер и тем временем скинул себе на электронную почту ай-пи-адрес, присланный Калишем. Когда интрасеть загрузилась, Дэн вставил в ю-эс-би-разъём чистую щепку, скопировал в адресную строку нужный набор символов и зашёл на страницу записи. В одной из папок он нашёл серию четырёхгигабайтных видеофайлов, сконвертированных камерой за ночь, и поставил их на скачивание.

Кажется, получилось. Он чувствовал себя нарушителем закона и не понимал, как к этому относиться. Но в глубине души отдавал себе отчёт, что делал всё правильно. И ему это нравилось.

Он подошёл к полкам с инструментами. Там, за банками эмалевой краски на верхней полке, он спрятал нагревшуюся за время загрузки данных щепку и вернулся на улицу, к месту происшествия, выяснить, не нужно ли чего.

В закутке было полно народу, но знакомых лиц не было. Один из проездов загораживал синий фургон. Дэн обошёл его и остановился, удивлённо глядя на то, как всё преобразилось.

Криминалисты тряпочками подтирали кровь с асфальта. Тупичок был чист, как будто ничего и не было. Ни девочки, ни металлической конструкции, ни креста, соединявшего их вместе. Как понял Дэн, их довольно спешно погрузили в

«бусик», дверцы которого закрыли прямо перед его появлением. Команда специалистов поредела на глазах. Завёлся двигатель, и фургон рванул прочь. Дэн уступил ему дорогу и подошёл к криминалистам. Его заметил полицейский и подоспел наперерез.

– Вы кто? – спросил сержант.

Дэн остановился, заглядывая ему через плечо, убеждаясь, что территорию не только подчистили от следов происшествия, но даже забросали её квёлой листвой и окурками, как моджахеды, когда минировали места засады на патрули.

– Э-э, я… – решил всё же ответить на вопрос полицейского Дэн, – заведующий хозяйственной частью.

Полицейский кивнул:

– Ясно, идите к ректору, она вас проинструктирует.

– А что…

– Идите.

Дэн сдался:

– Так точно.

Он, оглядываясь, пошёл к главному корпусу. Око видеокамеры, будто бы, ещё чернело под окном, никем не обнаруженное. Дэн не стал вглядываться так, чтобы убедиться в этом наверняка, боясь привлечь чьё-нибудь внимание. Он не смог бы объяснить даже самому себе, почему просто не сказал полицейскому, что у него есть запись происшествия. Нежелание связываться с органами правопорядка (да хоть бы в качестве свидетеля) являлось какой-то общенациональной чертой, подмеченной ещё в «Золотом телёнке». Впрочем, толика вины самой полиции в этом была тоже – в какой-то мере она выполняла функцию контрразведки, априори подозревая всех и каждого в подрывной деятельности и вдобавок возводя секретность своей работы в абсолют. Дэн был уверен, что Римма сейчас по-человечески объяснит, что произошло, и что ждёт колледж дальше. То есть перескажет ту же информацию, которую ей сообщил следак. И что стоило полицейскому рассказать то же самое, когда его начал расспрашивать Дэн? Не хотите идти на контакт, ладно, распутывайте всё сами, как умеете, а мы потянем клубок за другую нить.

Сторож закрывал ворота за выехавшим фургоном. В колледж уже начали подтягиваться преподаватели и спрашивать, что случилось, у пытающегося проскользнуть мимо них Дэна. Слухи летели, как всегда, на опережение. Дэн пожимал плечами и говорил, мол, сам бы хотел знать, а потому спешит к ректору.

У кабинета Риммы Мироновны образовалась пробка. Добрейшая Зинаида Яковлевна стояла в проломе, то есть в проёме, и билась насмерть, сдерживая натиск любопытствующих. Впрочем, никто в двери не рвался, а просто вжимался в соседа для лучшей слышимости и смаковал плодящиеся сплетни. В стрессовые моменты толпа дышала в одном ритме, и в тесноте тел некоторым было гораздо легче, чем поодиночке. Дэн пробился сквозь душный скоп в конец приёмной, кивнул секретарю, Зинаида Яковлевна повела плечом, освобождая где-то разом полметра до двери, в которые Дэн и не преминул просочиться.

У Риммы Мироновны в кабинете сидел возле стены усатый мужичок, а над столом стоял, руки в карманы, Меркадзе. Дэн поздоровался, узнав знакомое лицо, и потом лишь до него дошло: стоп, сам замминистра?

– Здравствуйте-здравствуйте, – ответил Меркадзе, изучая Дэна, чуть приподняв голову. Как бы сверху вниз. Как жука.

Дэн отвернулся. Желание быть вежливым пропало.

– Римма Мироновна, полицейские не отвечают на вопросы. Что у нас произошло?

Римма сидела собранная и спокойная.

– У нас? Ничего, – сказала она.

– Так ведь…

– Горе, – встрял Меркадзе патетично. – Горе для семьи, скорбь для педсостава, трагичное событие для «Легны». А для остальных – что-то непонятное, какое-то странное событие, косвенно затрагивающее наше учебное заведение.

Дэн всё-таки повернулся к нему.

– Как «косвенно»? Ведь…

– «Косвенно», это значит, что не на нашей территории. Но нюансы, конечно, есть. Наша ученица? Да. В учебное время? Нет. Каким-то образом колледж причастен? Возможно, идёт следствие. А пока оно идёт, не стоит сеять панику, пусть большинство остаётся в неведении, судачат и перемывают вымыслы,

допытываются до крошек истины у родных и полиции. А колледж войдёт в положении, окажет всяческое содействие, организует сбор средств, предоставит автотранспорт для, ну, панихиды. Но – во внеурочное время. На учебном процессе это никак не отразится.

Ректор рассеянно переводила взгляд с одного на другого, казалась отвлечённой, но карандаш в её пальцах дробно постукивал по органайзеру.

– Риммиронна… – проговорил Дэн растерянно.

Та посмотрела на него и тихо произнесла:

– Обязательно появятся журналисты, будут вылавливать всех, кто может что-то знать. Нельзя допустить, чтобы они написали, будто Яна погибла на территории колледжа. Пресс-служба полиции укажет, что происшествие случилось на близлежащей территории, и суицид, возможно, был совершен с одного из зданий колледжа. Это большее, что они могут для нас сделать. Этой версии будем придерживаться и мы.

– Не совсем так, – вновь встрял Меркадзе, – мы будем придерживаться только слухов об этой версии. По типу: нас поставили в известность, в полиции сообщили… И тому подобное. Какой-то неизвестный нам свидетель обнаружил тело, вызвал полицию, а мы узнали обо всём уже после того, как скорая увезла девочку.

Римма Мироновна кивнула и упёрла глаза в Дэна.

– Денис Фаридович, вам понятна тактика? Вы ничего не видели и ничего не знаете.

Дэн вздохнул и спросил:

– Значит, сегодня будут занятия?

– Как обычно, – ответил Меркадзе. – Ведь ничего не случилось. Семён, – он повернулся к усатому мужичку, – знакомьтесь – это завхоз основных трёх корпусов, Денис Фаридович. Любить и жаловать.

Мужичок подскочил и поручкался.

– Лирков, – представился он, кивая.

– Бергенов, – в той же манере ответил Дэн и забрал руку. – Завхоз спецкорпуса? Забирайте его скорей. Впрочем, как выяснилось: на вверенной мне территории за эти сутки происшествий не обнаружено.

Лирков похихикал. Римма то ли улыбалась, то ли морщилась. Меркадзе поглядывал на них, как собаковод, ожидающий, когда они уже доделают свои дела.

– Что ж, ладно, – всплеснул он руками, не дождавшись, – раз уж всё обговорено, я растворяюсь. Семён, проводите меня. До свидания, – он подумал и всё-таки протянул Дэну руку, а потом пожал ладошку и Римме. – Крепитесь.

Когда Лирков раскрыл дверь, с той стороны ворвался мощный говор, мгновенно смолкший при появлении Меркадзе.

– Распоряжения? – спросил Дэн.

– Будь на связи.

И для чего тогда меня в шесть утра с постели сгоняли?

– Понял. Пойду.

Зинаида Яковлевна просунула голову.

– Завучей пущщать?

Римма закатила глаза. На секунду.

– Ох. Пущайте.

Дэн пропустил колонну разновозрастных дам и вышел в приёмную. Стол секретаря оккупировали самые стойкие несколько преподавателей, остальные разбрелись по кафедрам готовиться к парам. Дэн вышел в коридор. Неподалёку от двери стояла студентка. Увидев Дэна, она пошла к нему навстречу. Дэн и не подумал, что она именно к нему, но оказалось – именно так. Сестра Яны? Подруга? – пронеслось в голове прежде, чем девушка поравнялась с ним. Она заглянула ему в глаза искательно. Поймала взгляд. Сказала:

– Не показывайте им видеозапись.

И, пройдя мимо, скользнула в приёмную. Дэн был шокирован. Он остановился как вкопанный, переваривая услышанное. Воспоминание, конечно, не к месту, но похожий случай заторможенной реакции у него был, когда он, однажды вышел из здания вокзала, и женщина, проходя мимо, что-то проговорила. Наверно, сама про себя, подумал тогда Дэн, отмахиваясь от впечатления, что незнакомый человек обращался именно к нему. Причём, не просто обращался, а именно так, странно, как будто, боясь быть услышанной. И только спустя пару кварталов его мозг разобрал, что пробормотала она: «девушку на час?». Похожим образом на

рынке бормочут: «золото, доллары, телефоны». И помыслить, что из-под полы, словно валютой, кто-то торговал людьми, ну, ладно пусть услугами людей, но услугами такого рода, какой приравнивает человека к вещи, – это просто не вмещалось в рассудке. В такие моменты Дэн чувствовал себя за кулисами. Он, как работник сцены, выглядывал из-за портьер, также, как зрители в зале, наслаждаясь представлением, но в то же время мог повернуть голову и увидеть суфлёра, оркестр, механизмы, двигающие декорации, гримёрки и декораторов, суетящихся вокруг готовящихся к выходу на сцену актёров. То есть изнанку жизни. Но он не мог оторваться от представления. Не знал как. Не был по-настоящему рабочим сцены, а всего лишь случайным зевакой. Однако жил в предвкушении когда-нибудь отличить всё-таки персонажей от артистов и увидеть не срежиссированный сценарий, а истинную действительность.

Дэн обернулся, соображая. Повязанные в хвост волосы студентки энергично пропрыгали мимо и скрылись за захлопнувшейся дверью. Дэн крутанулся и резво рванул дверь на себя. Студентка уже нырнула в преподавательскую гущу и завела разговор с химичкой. Дэн, растеряв пыл, постеснялся подходить и прикрыл дверь, оставшись в коридоре. Она явно спряталась, чтобы он не лез к ней с расспросами. Ладно. Дэн побрёл в каптёрку. Откуда девчонка узнала про съёмку? Была там? Свидетель? Или убийца? Это её кроссовка осталась на месте преступления? Увидела камеру и сбежала, а теперь хочет избавиться от улик? Или Дэну надо поменьше смотреть телешоу?

«Кто знал о записи? – размышлял Дэн. – Я и Мидич.»

Дэн набрал номер Калиша.

– Даров.

– Мич, ты в курсе, что произошло?

– Ты про студентку? Суицид вроде.

– А где, знаешь?

– Нет. А что?

– Я тоже не знаю. Думал у тебя спросить. Ладно, пока.

Так, Калиш, вроде, отпадает.

Остаётся только просмотреть саму видеозапись.

Дэн заперся в каптёрке, включил компьютер и перешёл по ай-пи-адресу видеокамеры. Запись велась. Трогать щепку он не стал, решив по-новой загрузить файлы куда-нибудь в память системы. Ничего страшного не будет, даже если кто-нибудь их обнаружит – Дэн устанавливал средства видеонаблюдения для охраны, так что на твердотельнике полным-полно валялось всяких тестовых съёмок. Он перешёл во вкладку сохранения видеофрагментов, выделил те, что начинались с десяти вечера до пяти утра, и скачал на жёсткий диск «С» в отдельный каталог где-то в системной директории между локалками какой-то второсортной программы. Когда копирование завершилось, он закрыл браузер, выдернул из системника кабель интрасети, чтобы никакой любопытствующий не смог проследить за ним удалённо, и начал просматривать каждый видеоролик подряд на обычном проигрывателе с функцией быстрой перемотки. Это оказалось довольно просто – картинка не менялась до трёх ночи. Она темнела, потом стала ярче, когда зажглись фонари, и стабилизировалась. А затем в казавшийся до этого статичным кадр с пустым асфальтом и куском стены ворвались люди. Дэн снизил скорость воспроизведения до ста процентов и покликал по полосе прокрутки до их появления. И приник к экрану.

Дэн угадал с местом видеозахвата совершенно чётко. Почти всё время происходящее попадало в фокус.

А происходило следующее. Три девушки принесли шесть одинаковых тряпичных сумок с длинными ручками, поставили их в одну кучу и, нависнув над ними, стали изучать содержимое. На одной из девушек была курточка, похожая на ту, что осталась на месте происшествия. Да и кроссовки выглядели похожими, хотя Дэн уже и не помнил особенностей дизайна. Он пожалел, что украдкой не сфоткал улики. Вряд ли его посадили, если б полиция нашла эти фото в телефоне – сейчас любой первым делом хватается за смартфон, чтобы сорвать хайп в блогосфере.

Девушки отставили одну сумку, остальные разнесли на относительно одинаковые расстояния друг от друга и вывернули их наизнанку. Из шопперов выпали поблескивающие комки соединений металлических деталек. Похоже, весили они гораздо меньше, чем даже если бы они были сделаны из, например, алюминия. Да даже будь они пластиковыми, целая сумка весила бы куда больше, чем выпавшие из шопперов свёртки. Девушки со знанием дела начали раскатывать их, как рулоны, в подобие полутораметровых кусочков пиццы. Пока две из них занимались сцепкой этих треугольников друг с другом в напоминающий звезду символ, третья девушка подошла к шестой сумке, вытащила её содержимое и стала собирать складной крест примерно метровой

высоты. Весил он довольно мало даже со своим круглым постаментом, на котором он оказался, когда девушка закончила работу, потому что та без видимых усилий подняла его одной рукой и понесла в центр той металлической узорчатой пентаграммы, сборы которой как раз закончились. Было сложно поверить, что довольно обширный круг, по которому смело топтались студентки, да ещё и со штативообразным крестом посередине, только что помещался в шести сумках. Впрочем, Дэн в армейке так же не верил, что «утюг семьдесят четыре» поместится в трёхлитровой банке, пока старшина не продемонстрировал это наглядно.

Пока две девушки ломали голову над тем, как присоединить площадку креста к основной конструкции, третья достала из кармана пухлый пластиковый пакет, который используют в больницах для переливания крови, откупорила трубочку и стала мазать верхние детальки конструкции тёмной жидкостью. Закончив устанавливать крест, две девушки вытащили по такому же пакету и, глядя на прогресс соседки, так же стали окрашивать площадку в чёрный. Закончив поливать, по-видимому, кровью металл, первая девушка сошла с конструкции, оглядывая результат совместных трудов, сунула опустевший пакет в один из шопперов и туда же, скомкав, запихнула парочку валявшихся рядом сумок. Остальные студентки подошли к ней, вытерли руки салфетками и спрятали их всё в тот же шоппер. Затем втроём подошли ко кресту, окружили его, взявшись за руки, и, судя по движениям губ, начали что-то петь или говорить хором.

Через пару минут правая от зрителя девушка покачнулась и стала падать. Одна её рука выскользнула из ладони напарницы, а вот вторая её удержала, и девушка просто осела, потеряв сознание. Студентки, всполошившись, подскочили к ней, поддержали затылок, чтобы голова не болталась, как перезревший плод, и принялись приводить её в чувство, как могли. То есть трясли за плечи и хлопали по щекам. Упавшая, не меняя неудобной позы, открыла глаза, с минутку поразглядывала окружающих, не отвечая им, а потом что-то сказала. Девушки убрали от неё руки, растерянно переглядываясь. Упавшая посмотрела на себя, потом на свою руку и покрутила ею в воздухе, не упуская из виду. Затем резко поднялась, сделала шаг и, запнувшись, покачнулась. Девчонки подскочили поддержать её, но она из согнутого в три погибели положения вдруг повернула голову так, что они отступили на шаг. Затем она выпрямилась и встала, прогнув спину, как солевые наркоманы из стоковых видосов. На прямых как палки ногах качнулась вперёд, свободно болтая будто безжизненными руками. Глядя вниз, девушка сделала пару шагов, высоко поднимая колени, потом пару раз переставила ноги нормально, стремительно набирая скорость свободного падения, зашагала и вдруг стукнулась о воздух. Дэн моргнул. Он перемотал чуть назад и снова включил

воспроизведение. Девушка, действительно, на полном ходу ударилась о невидимую преграду, проходящую ровно по внешней границе металлической пентаграммы, и обмякла, будто скатилась по стенке вниз. Странно поднявшись (сначала выпрямив ноги, а лишь затем туловище), студентка снова шагнула в пустоту, и откинулась назад, отброшенная невидимой перегородкой. А затем как французский мим какое-то время хлопала по ней ладонями. Две её напарницы не проявляли желания подходить к ней, даже когда она упала, а стояли, переглядываясь с явными признаками растерянности на лицах. У пошатнувшейся же студентки перекосило лицо. Она как в тумане около минуты разглядывала узоры под ногами, двигая одной только шеей, и, вдруг, расщерив в яростной гримасе рот, кинулась к ближайшей девушке. Та (и Дэн отлично её в этот момент понимал) бросилась наутёк, в два прыжка достигнув границы конструкции. Догонявшая бежала не слишком устойчиво, но всё равно успела схватить подол курточки убегавшей. По инерции куртка потянула преследующую девушку за собой, и они обе застряли. Беглянка засеменила на месте, удерживаемая девушкой, всем телом вжавшейся в вертикальную только для неё вдруг ставшую удивительно прочной границу круга. Беглянка в панике извернулась, выворачивая руки, вытащила их из рукавов, освобождаясь от куртки, и та тут же была втянула в круг разъярённой студенткой. Она в гневе бросила куртку под ноги и повернулась к другой девушке. Но умница уже стояла на асфальте, потому что бросилась бежать одновременно со всеми. Только немного замешкалась, когда обувь застряла в промежутке между детальками. Девушка в круге подошла к этой кроссовке и, видимо, предложила её владелице вернуться и забрать её. Но девчонки не повелись на уловку. Они, находясь в ужасном шоке, что было видно по их лицам и паническому поведению, подхватили по пути валявшийся шоппер и бросились стремглав, пожертвовав и курткой, и кроссовкой, и всем остальным.

Оставшаяся в одиночестве девушка стала резкими шагами мерить свою странную темницу. Её походка заметно изменилась, девушка ссутулилась и стала округло размахивать руками, как самбист. В роте Дэна служила парочка кавказских борцов, и Дэн сразу подметил забавное сходство. Но на этом забавы закончились. Не пытаясь выбраться из невидимой клетки, например, начав разбирать конструкцию под ногами, о чём в первую же очередь подумал Дэн, девушка вдруг замерла перед крестом и отклонившись сильно назад, прогнув спину, будто пытаясь встать на «мостик», резко подалась вперёд, сложилась пополам и грудью налетела на плоское незаострённое навершие креста. Дэн был не уверен, что получил бы какую-нибудь более серьезную, чем ушиб рёбер, травму, если бы проделал этот трюк самостоятельно, но вот хрупкая студентка налетела на металлическую вертикаль с такой силой, что её падение остановилось, только когда тело упёрлось в поперечину.

Дэн вздрогнул, услышав звонок с урока. Он сидел и пялился на мёртвое тело студентки уже несколько минут. Он-то этого не замечал, погружённый в размышления, но что если бы его застал кто-нибудь за этим занятием? Дэн закрыл окно видеоплейера и выключил компьютер. Сердце билось под горлом. Кулисы. Вот тебе и кулисы – заглядывай, не хочу.

Дэн встал, что-то поискал глазами, не понял, что, и вышел из каморки. Он побрёл в сторону столовой, потирая лицо ладонью. Эта девочка. «Яночка», кажется, произнесла Римма. Это была не игра. Это было безумие. Она… Ей как будто. Как будто другая личность. Да, что-то шизофреническое. Как… Да. Точно так же, как тогда.

Яна Шахмаран, погибшая студентка, вела себя так, будто она стала другим кем-то. Дэн уже видел подобное. Не притворство, а именно глубокую убеждённость, настоящее перевоплощение до последнего вздоха. Так сыграть, наверное, невозможно. Невозможно войти в роль настолько, чтобы лишить себя жизни. «Иц нот профешинал». В фильме «Шоу Трумана» эту фразу кричала «жена» Трумана, когда обстоятельства поставили её перед выбором: играть роль до конца или позаботится о своей безопасности. Для обычного актёра ответ прост – это непрофессионально. Сами рискуйте, если это вам так надо. Но грань обычности всё же есть. И Дэна всегда интересовал вопрос: эта обычность рождается на сцене, за кулисами или в зале? Что если за кулисами важно, чтобы свою роль играли также и зрители? Чтобы не выходили из образа и не лезли за портьеры? Для этого и существует шоу, а люди, заворожённые представлением марионеток, и не думают о цели, преследуемой кукловодом. Что если нормальность определена либретто? Расписана каким-то сценаристом, а не продиктована здравым смыслом?

Дэн дошёл, лавируя между студентами, заполнившими коридоры на перемене, до столовой, в сомнамбулическом порыве сел возле входа и стал осмысливать кадры увиденного, глядя сквозь толпу входящих и выходящих студентов. До его собственного сознания дошло, зачем он здесь примостился, только когда на глаза попалась она.

Она впорхнула и, чирикая с кем-то, заняла очередь к раздаче. Дэн встал и быстро подошёл к ней наперерез через весь зал.

– Здравствуйте, – сказал он, соображая, а что ему, собственно, надо.

– Здрасьте, – смущённо затихшие, поздоровались несколько студентов.

Дэн за несколько лет работы в учебном учреждении научился нескольким мимическим приёмам, подсмотрев их у педагогов.

Он молча стоял и выжидательно смотрел на неё в упор, всем видом показывая, будто ждёт, чтобы она тут же изменилась в лучшую сторону.

– О, здрасьте, Денис Фаридович, – сказала она позже всех с затаённым смешком.

– Здравствуйте, здравствуйте, – покивал Дэн и спросил грозным тоном: – и что, мы это так и оставим?

– Конечно, нет, что вы, ни в коем случае, – веселилась она в ответ.

Не дрогнув мускулом, Дэн (ему, и правда, было не до смеха) продолжил:

– Тогда, может быть, вы вернётесь и всё исправите? Вы, надеюсь, знаете, где находится каптёрка с инвентарём?

Она с готовностью закивала:

– О, да. А, может, я сначала поем?

– Потом поедите. Я жду вас.

Она состроила гримасу обречённости:

– Ладно. Пока, девчонки.

Она пошла к выходу. Дэн изменил выражение лица на озадаченное и спросил у студенток, с которыми она попрощалась:

– Девушка, с которой я разговаривал… Вы с ней вместе учитесь?

– С Риткой? – спросила одна. – Нееет. Чё она натворила?

– Сама вам расскажет, если захочет, – отрезал Дэн, уходя.

Рита ждала его в коридоре.

– Чё вы вечно так долго?

Дэн понизил голос, приближаясь к ней вплотную:

– Откуда знаешь про запись?

Рита хмыкнула:

– Что, заинтриговала?

– Кто ещё знает?

– Да, никто, расслабься. Не шипи мне в ухо. Не хочу тут торчать у всех на виду. Пошли в эту твою кабинку.

– Каптёрку.

– Да хоссспади, пошли уже.

Она затопала вперёд.

– Мог бы чё-нить менее позорное придумать. Инструмент, говорит. Инструмент! Хоть бы преподом притворился.

– Все знают, что я завхоз.

– Ахах, да кому ты… Кхгм. Я три часа узнавала, кто у нас завхоз, а потом шарилась по всем корпусам искала этого Фаридыча.

Возле двери она остановилась. Дэн растерялся.

– Хочешь зайти? – спросил он недоверчиво.

– Да, – ответила она раздражённо, – открывай.

– Слушай, если это пранк…

– Да какой пранк, блин, давай быстрей уже!

– У меня ничего нет, и я никому ничего не делал, если это месть или…

– Ты достал. Я знаю, что произошло. Где Яна суициднулась. Увидела камеру спрятанную. Кто ещё её мог повесить? Только наш дорогой Денис Фаридович. Давай, открывай – поговорить надо.

Дэн выдохнул:

– Ну, смотри.

Он отпёр замок и пропустил её внутрь. Рита, в первую очередь, увидела компьютер и сказала:

– Покажи мне запись.

– Ха-ха! – воскликнул Дэн, – ну, а ещё что?

– Кофе. Пожрать ты мне так и не дал.

– Кофе ей. – Он взболтыхнул чайник проверить достаточно ли в нём воды и щёлкнул включатель. – Почему сказала не показывать никому?

Рита отодвинула скрипучий офисный стул от стола, критически осмотрела обивку и плюхнулась.

– Потому что могло не остаться копий. Конечно, я понимаю, ты должен запись копам отдать. Только и мне сперва покажи.

– Зачем?

Дэн открыл тумбочку, где хранил провиант, нашёл какую-то шоколадную плитку, распаковал фольгу и положил на стол. Рита оглядела её с безопасного расстояния:

– Это с двадцать третьего февраля ещё что ли?

– Нормальная шоколадка, не хочешь, не ешь. Почему я должен тебе показывать запись?

– Мы с Яной дружили. Она же не одна была там?

Дэн помедлил и выдавил осторожно:

– Не одна.

Рита выпрямилась на стуле, придавая себе менее расхлябанный вид, чтобы слова не прозвучали саркастично:

– Я могу помочь, – вкрадчиво заверила она.

Дэн кивнул:

– Молодец. Полицаям и помоги.

Рита покачала головой:

– Нет уж, я проведу собственное расследование.

– Девочка, клуб любителей детективов – вторая дверь направо.

Засвистел чайник. Дэн ополоснул кружку кипятком и полез ложкой в банку растворимого кофе. Рита настаивала:

– Покажи мне. И всё. Я должна знать. Чего ты боишься?

Она, покрутив шеей, рассмотрела компьютерный стол, нашла системник, наклонилась боком и нащупала кнопку включения питания.

– Быстро покажи, и разбежимся. Я не требую копий, не буду втихаря снимать. Просто посмотрю.

– Нет, – сказал Дэн твёрдо.

Жужжащий компьютер прогрузил картинку заставки.

– Ну, чего ты упёрся…

– Нет, не разбежимся. Я тоже хочу участвовать.

Рита с сомнением посмотрела на него:

– В моём расследовании?

Он поставил чашку на стол рядом с шоколадкой, придвинул второй стул поближе и уселся.

– Да, расследовать. Одна голова хорошо, а мы вместе распутаем это.

– И кому ещё в клуб детективов надо, – пробормотала Рита, глядя в экран.

Дэн усмехнулся:

– Да-да, а ты на это посмотри.

Дэн нашел видеофрагмент нужного отрезка времени и включил воспроизведение. Рита влипла в монитор, а он встал, подошёл к двери и закрыл дверь на замок. Если кто-то видел, как студентка к нему заходила, а потом они ещё и заперлись, то у него могли возникнуть проблемы, однако Дэн сейчас вообще об этом не думал. В этот момент он снова прижимал ладонь к ментальной «марнитке», терпел внутреннюю боль, но не прекращал искать, копаясь в древних пластах воспоминаний. Он снова был ребёнком, и его бабуля была ещё жива.

Бабуля была классной. Работящая, душа компании, любила и умела зарабатывать. И отдыхать. Она подарила Дэну приставку и не скупилась на карманные. Но после дефолта всё изменилось. Дедушка из председателя облпрома стал никем, возил в Фергану в багажнике легковушки тушёнку на продажу, не выдержал перемен и быстро истаял. И после его кончины бабуля изменилась. Родители Дэна взяли её жить к себе, так как ей ещё вполне бодрой и не старой женщине потребовался уход. И Дэну было страшно вдруг увидеть

перемены в близком человеке. Среди ночи она включала свет и кричала, что мебель двигается. Отец обводил пол вокруг ножек кровати мелом, чтобы доказать обратное, но бабушке становилось всё хуже. Однажды, вопя, что тот хочет забрать дедушкину квартиру себе, бабуля ударила двенадцатилетнего Дэна пальцами по лицу, метясь ногтями в глаз.

Вообще, насколько помнил и слышал Дэн, советский период не был атеистическим. Не смотря на все старания «воинствующих безбожников». По крайней мере в семье Бергеновых. Мама в молодости баловалась спиритическими сеансами, папа называл Божа «боженькой» и не прочь был помолиться, прибегая к этому средству в крайних случаях, как к магическому заклинанию. Но если предки отца были обычными крестьянами (обрусевшие дехкане – по отцовской, переселённые кулаки – по материнской линиям), то вот фамильные истоки Дэновой мамы казались более загадочными. Прадед Дэна служил старостой в церкви. Мама говорила это запросто, называя обычной практикой тех лет, но, когда Дэн уже в сознательном возрасте поинтересовался этой церковной должностью, то выяснил, что иметь в приходе старосту – традиция скорее раскольников, чем ортодоксов. Вообще мамины корни были из Польши, то есть из католичества, так что вполне возможно, что в настоящее православие её предки переходить просто не захотели, оставаясь религиозной оппозицией. Семейное древо по материнской линии было весьма запущенным, обрастающим сплетнями и легендами. Старшие, с кем общался на эту тему Дэн, в его основание ставили пятерых сестёр, троих из которых удочерили, а другие вели весьма суровый образ жизни. Например, рассказывали, что одну из них во время дойки корова лягнула в бремя, но выкидыша не последовало, и папаша велел ей сделать аборт, потому что ребенок вряд ли мог уродиться нормальным. Но женщина заупрямилась, замкнулась в себе, поселилась на печке, сама родила и сама же выходила малышку. И подобных историй было довольно много, не религиозного, но по большей части околомистического толка. В этом мире варилась мама Дэна. И, наверное, неспроста в девяностые она потянулась в сектантство. Но, если в детстве она дружила с немками (а в Средней Азии после войны немцев селили целыми улицами), то вот в Фергане лютеран не было, а из похожих верований маме попались только молокане.

Так Дэн открыл для себя странную сферу религиозного космополитизма. На улице он бегал с мальчишками, обзывавшими молокан «бахтистами», а по воскресеньям ходил в воскресную школу и слушал библейские рассказы, прерываемые совместными псалмопениями и «исполнением Духом святым».

Это не первый раз, когда Дэн почувствовал себя за кулисами. И до этого его посещало порой чувство «ненастоящести», как он это пытался сформулировать

детским своим умом. Однажды приезжал он к родственникам на Смоленщину, и двоюродные братья брали его с собой в «поиск» – так называли они своё увлечение чёрной археологией. Одетые по-походному, они забредали глубоко в чащу по чавкающей трясине, надеясь поживиться извлекаемыми из топи трофеями сражений последней мировой войны. Когда металлоискатель взвывал словно вожделеющий секач, братья «прощупывали» длинными немецкими штык-ножами границы находки, а затем в водянистую почву вонзалась садовая лопата, чтобы отнять у болота солдатскую амуницию полувековой давности. Предметы в зыбких суглинках почти не ржавели, и было трудно поверить, что этот новенький котелок или каска пролежали с самой великой отечественной, а не являются реквизитом современного фильма. Удивительно одинаковая местность, по которой они петляли: ручейки, лужи, берёзки, осинки, ветровал, тишина и однообразность действий в сумме вдруг сложились у Дэна в ощущение «ненастоящести», будто всё вокруг – декорации. Может быть, виной служило то, что братья ничего стоящего в своих блужданиях не находили. «Пищит же», говорил Дэн, но братья уже знали тонкости звуковых сигналов металлоискателя и махали рукой: «Да не, осколок, наверняка». Когда они всё же принимались копать, то предполагали в зависимости от шкрябающих звуков: «максим», наверное, нет, «мосинка», но в итоге всегда извлекалась на свет Божий какая-нибудь ерунда, вроде расколотой стенки печки-буржуйки. Дэн на самом деле так не думал, но подсознательно, скорее всего, считал их хобби бессмысленным. «Трофеи», которые они ему демонстрировали, походили на трофеи скрипача из «Кин-Дза-Дзы». Топорища, кружки, мятая фляга и ворохи гильз. Декорации раздражали, попытки братьев показаться в его глазах (или в их собственных) кладоискателями и авантюристами (они всё время боялись наткнуться на полицейский рейд, хотя вокруг царствовала бесконечная глушь) были жалкими и даже не смешными. Хотелось узнать, что кроется за этой странной игрой, кто поставил декорации, кто научил братьев корчить из себя неизвестно что. И однажды Дэн почувствовал, что кулисы рядом, и краем глаза можно за них заглянуть.

Молокане считали себя не просто христианами, а духовно исполненными христианами. Всё по Библии: Иисус вдунул в учеников Дух Божий, то есть духовно «наполнял» их, и на пятидесятый день после Пасхи Дух излился через них так, что они чудеса могли творить, то есть они становились духовно «исполненными». Таким образом за определённым учеником закреплялся какой-нибудь дар свыше, например, дар исцеления, или пророчества, учительства, благовестия, говорения иным языком. В православии есть такое понятие, как предания отцов, – в основном, это воспоминания о чудесах древних святых людей, которые сейчас уже не встречаются на земле. Евангельские свидетельства о духовных дарах также могут показаться такими же сказочками.

Но не для молокан. Они верили, что «духовное исполнение» наделяет сверхъестественной силой достойных христиан и поныне. И Дэн, начав посещать их священные собрания, вдруг оказался среди пророков, целителей, экзорцистов, проповедников, которые во время молитвы естественным для себя образом переключались с узбекского или русского на другой, ангельский, как они его называли, язык, могли повернуться к тебе и сказать: «Иссякли водоёмы веры твоей, поправь светильник свой», а то и вовсе возложить на тебя руки и призвать Господа излечить «неверие этого дитя Божьего».

Искусство, роль или всё-таки кулисы? Изменение поведения бабули молокане однозначно признали бесноватостью, и родители пригласили пресвитеров к себе домой совершить обряд изгнания злых духов.

Жил да был советский мальчик, и однажды дома довелось ему поглядеть на экзорцизм. Примерно так всё и произошло. Буднично и просто. Бабуля всегда оставалась в здравом рассудке, просто иногда срывалась в каком-то истерическом припадке и могла совершить что угодно. И припадок мог случиться в любой момент времени. А, так, она была самой обычной. Только больше не смеялась и до жути быстро постарела. Дэн стоял на коленях рядом с отцом и матерью, молился и смотрел на то, как два пресвитера, закрыв глаза, протягивали руки над сидящей на стуле бабушкой и призывали Божа изгнать из неё демонов. Дэн должен был молиться с закрытыми глазами, но, подглядывая, видел, что мать произносит молитвы, внимательно следя за происходящим, поэтому тоже смотрел и поражался, насколько бабуля постарела. Настоящая бабулька. От той своевольной и знающей себе цену женщины, какой она была до смерти мужа, не осталось и следа. Будто кто-то, и правда, вселился в неё и изнутри вытягивал понемногу жизнь.

Пресвитеры пришли будто в гости. В пиджаках без галстуков, как обычно, потому что молокане, как и все протестанты, не признавали дресс-кода для богослужений, они улыбались и спрашивали, как дела. У бабушки, между прочим, тоже. В этот день все они держали пост, то есть не ели и не пили ничего, поэтому к столу гостей не позвали, а прямо приступили к процедуре. Готовы? Да, пройдёмте в зал. В гостиной поставили стул посреди комнаты, на который села бабуля, а остальные члены семьи встали у стены на колени, поддерживая молитвой священников. Молитесь с нами, сказали пресвитеры бабушке и возложили на неё руки. «О, сын Господень, взываем к тебе, изгони дух нечистый!» – громко нараспев обращались к небесам священники, а бабуля, понуро скрючившись под их ладонями, сначала что-то смирно бормотала вполголоса, но постепенно стала свирепо вскрикивать, не меняя позы, а затем хрипло завыла, клокоча слюнями в горле. Она сидела как сидела, не раскрывая

глаз, лишь только рот её выхаркивал из себя то рёв, то смех, то ругательства. Священники, распаляясь, уже кричали в полный голос, и от их криков кожа Дэна будто горела. Внезапно, он почувствовал, что это жжение ушло, и пресвитеры потихоньку замолкли. Может, последовательность была и другая, но Дэн запомнил, как запомнил.

Священники сняли пиджаки, оставшись в мокрых под мышками рубашках, и подсказали маме Дэна дать бабушке воды. Дэн с отцом поднялись, разминая затёкшие ноги. Мама поставила стакан перед стулом на пол. Бабуля открыла глаза, медленно потянулась за стаканом выпила его и подала обратно, в руки. Мать сделала движение забрать его, но священник остановил её и взял сам. Бабуля зыркнула на него из-под бровей и замерла, сложив ручки на коленках.

Ну, что, давайте продолжать? Они снова стали на колени и процесс повторился. Бабуля отрывисто гавкала, пресвитеры, крича, взывали к Божу, мать плакала, отец со скорбным лицом стоял, молча, на коленях. В следующий перерыв бабуля открыла глаза и посмотрела прямо на Дэна. Затем поманил рукой. У неё было такое странное выражение лица, такое незнакомое движение манящей руки, что у Дэна абсолютно точно сложилось впечатление, что перед ним совсем другой человек. Это не бабуля.

«Подойди», – сказала она чужим голосом. Пресвитер, оказавшийся рядом, отрицательно помотал головой, давая Дэну понять, чтоб не рыпался. Бабуля приложила палец к губам, подмигнула ему и поманила снова. Она так живо и лукаво поглядывала по сторонам и ухмылялась прищуренными глазами, как бабуля никогда бы себя не повела. Дэн, холодея и стараясь не смотреть ей в лицо, остался на месте, усиленно прося Божа прекратить это всё. Вернулся второй пресвитер, и сеанс продолжился.

В тот день так ничего и не поменялось до самого позднего вечера. Бабулю уложили спать и назначили новую процедуру на следующую неделю. Но бабушка не дожила. Дэн так к ней и не подошёл попрощаться. Ему объяснили, что дух искал, в кого переместиться, поэтому бабуля и подманивала его к себе. Вроде как демону нужен был тактильный контакт. Странно всё это было. Бабулю похоронили, но вопросами, куда делся дух, попадёт ли она в рай, как можно допустить или избежать бесноватости – никто вслух не задавался. Сказать, что пережитое оказало на Дэна впечатление, – понятное дело, ничего не сказать. Тайна одержимости человека чем-то потусторонним не отпускала воображение парня долгие годы. Он изучал этот вопрос, читал литературу соответствующей направленности и донимал расспросами проповедников. Это же просто снос башки, буквально, как можно было игнорировать столь поразительную сторону бытия? Но оказалось, что молокане не удивлялись чудесам, однако выводили их

из некоего пропорционального соотношения с верой. Будто бы достаточная величина веры позволяла чудесам набрать критическую массу и случиться. И когда Дэн спрашивал про духовные дары, про изгнание бесов, например, то проповедники и священники пожимали плечами, мол, соблазнов много, церковь недостаточно сильна, чтобы «исполнение Духом» было сколько-нибудь заметным или действенным. Да бесы одолевают, но фактов одержимости несравнимо меньше внешних факторов, заглушающих веру, заставляющих христиан вместо поста и молитвы во исполнение слова Божьего распыляться на мелкие бытовые заботы. Где-то вспылишь, где-то обманешь, кого-то обидишь, не проследишь за лексикой, проигноришь кого-нибудь, забудешь попросить благословения или Библию почитать, поспешишь куда-то, забьёшь голову ерундой, и всё – вера улетучится, её нужно будет накапливать вновь после покаяния, исповеди, поста и мольбы о прощении. Суета одолевает, говорили братья-молокане, а для познания и ведения Господнего нужно гореть любовью, светиться святостью, ставить праведность во главу угла. «А у нас то бахча, то родительское собрание, то шабашка. Вот и получается, что церковная жизнь не бурлит горным потоком, а застаивается водой в луже». И это болотце размеренной приходской жизни, когда своя рубашка к телу ближе, чем бездна богатств и премудрости Божьих, оно постепенно укачало Дэна. Со временем он отошёл от всей этой религиозности, затянутый на дно поиском средств пропитания, житейскими заботами и прочей суетой. Подвигов веры в церкви он не наблюдал, экзорцизмом, как чем-то заслуживающим пристального внимания, никто не интересовался, а воскресные собрания, куда все приходили обменяться новостями и посмотреть друг на друга, не приносили морального удовлетворения. Дэн начал задумываться о будущем, уехал учиться в колледж. В жизни появлялись новые устремления.

Дэн, всё ещё стоя у двери, начал рассуждать, какую лепту в его расцерковление внесло участие в военных действиях на границе, когда голос Риты вдруг вывел его из раздумий.

– А я права была… – произнесла она медленно, глядя на пустой монитор.

Запись закончилась, и неизвестно сколько времени они провели в полной тишине, каждый в своих мыслях.

– …нельзя им это показывать, – закончила она фразу.

Дэн снова сел рядом.

– Ты узнала девчонок?

Рита кивнула.

– Танька Сизых и Тая Кёльнер. Если копы за них примутся, то уже ничего вытрясти не получится. Не отдавай запись. Я попробую с ними сблизиться, и сама найду заказчика.

– Заказ… – до Дэна дошло, что она сказала. – Думаешь, их кто-то нанял?

Рита потрясла щепотью пальцев перед его лицом:

– Конечно! Ты эту хреновину на асфальте видел?!

Дэн откинулся на спинку, размышляя. Проговорил:

– Они так слаженно и чётко её собирали. Явно репетировали не раз.

– И кровь, – с жаром согласилась Рита. – Попробуй найди.

Дэн покачал головой:

– Нет, пакет в любой медтехнике можно купить. И, если постараться, то и наполнить. Это не проблема… Я в этом месте, знаешь, сколько дохлых собак находил?

Рита поморщилась:

– Фу.

– Фигасе «фу»! Ты видела, чё они творили? Это ж переклин наглухо. И ты всё ещё хочешь в это ввязываться? Ты хорошо подумала? Не боишься в этом пакете потом оказаться?

Рита, хмурясь, потёрла подбородок.

– Нет. Тут что-то другое. Ты заметил, как они испугались? Мне кажется, поначалу всё это их смущало, но, видимо, репетиций было столько, что они отважились провернуть всю эту хрень ночью. Не похожи они на сатанисток. Тут кто-то маячит за их спинами, и я попробую навязаться к ним в компашку, чтобы и меня на похожую… м-м…

– Ритуал, – подсказал Дэн.

– …на похожий ритуал наняли.

Дэн вздохнул:

– Ладно. Ты, в натуре, какая-то безбашенная. Может, и прокатит. А мне что делать? Хочешь, буду подстраховкой, незаметно сопровождать тебя на задании?

В случае чего – вступлюсь. Я выслеживал наркодилеров в Термезе, могу быть незаметным, если надо.

– Не надо, – пресекла Рита. – Пока что. Скажу, если понадобишься.

– Обменяемся цифрами?

– Ага, щас. Дверь открой, заперся тут со студенткой…

Дэн поднялся.

– Ладно, понял. Но в курсе меня держи, а то могу не вытерпеть и в полицию побежать.

– Я, в общем-то, тоже, – пробормотала Рита, покидая каптёрку.

День пятый

Досье четвёртое

Ваше благородие,

Госпожа цензура,

На границе, вроде бы,

Тучи ходят хмуро.

Сначала кто-то, недовольно бурча, растолкал её, и лишь потом она услышала свой будильник. Рита продрала глаза, нащупала смартфон и вырубила пищалку. А потом вырубилась сама, вновь уткнувшись носом в подушку. Три двадцать, с ума сойти.

– Вставайте, у нас час, – произнёс охрипший Галин голос над ухом.

Рита, проныв высокую ноту, опять разлепила глаза. Галя в этот момент подошла к уборной, щёлкнула включателем и ослепила Риту, распахнув дверь. Возмущенно замычав, та перевернулась на спину. Могла б сначала освободить ванную, а уж потом будить, подумалось ей. А, ну, да, её же саму разбудил мой будильник.

Рита села на кровати и стала сонно одеваться. Когда Галя вышла, Рита начала трясти ногу Таи, по-пластунски валявшуюся рядом с ней.

– Тайка, блин, пора, потом выспишься.

Та подала признаки жизни, и Рита пошлёпала в уборную, едва не споткнувшись о недонадетую тапочку. Вернувшись, обнаружила, что Галя уже застелила диван, сложив бельё аккуратной стопочкой на подлокотнике. Рита прошла в кухню и поставила чайник.

– Хавать хочет кто, яичницу делать? – крикнула она в комнату.

– Омлет давай, я молоко, кажись, видела – отозвалась Галя.

– Это уже не молоко, наверно, – пробормотала Рита, возвращаясь к холодильнику.

– Омлет на кефире – тоже омлет, – бодро сказала Галя, входя.

– Фу, – подала голос Тая.

Значит, проснулась.

– Где там сходка? – спросила Рита, ставя на стол всё необходимое для яичницы, и забралась с ногами на стул.

Галя смерила её критическим взглядом:

– Где сходка или куда ребятам подтягиваться?

Рита задумалась, поливая сковородку маслом:

– Мои, я помню, куда пойдут. А вот куда потом?

Галя подвинула к ней неполную ячеичницу, взяла мобильник, упёрла локти в стол и сказала, попутно набирая сообщение:

– Я тебе скинула координаты.

Рита угукнула, бросая скорлупу в ведро. Галя резко повысила голос, повернув голову к выходу из кухни:

– Ты, давай, просыпайся. Вместо кого-нибудь папаша может заявиться, надо быть готовой драпать.

– Дельтовать, – с серьёзным видом поправила её Рита.

– Дельтовать? – переспросила Галя, оскорблённо, – Может ещё, улепётывать?

– Уносить ноги, – предположила Рита. Помолчала. Спросила: – Почему ты этим занимаешься?

Галя отложила телефон и пожала плечами, прикладываясь к ароматной кружке. Рита зажгла горелку и поставила сковородку на огонь.

– Я лично не хочу всю жизнь будить детишек ночью, куда-то их вести, что-то организовывать…

Галя повеселилась:

– Гха, ты описала жизнь типичного родителя.

Рита тоже налила себе кофе.

– Да?

– Да. Или педагога. Или просто рабочего на смене. Такова взрослая жизнь – просыпаться ни свет, ни заря и делать то, чего не хочется. Я тоже в школе думала, что это просто подработка. А после школы поняла, что если подработка приносит приличные деньги и оставляет до фига свободного времени, то почему бы её не превратить в работу?

Зашла, шлёпая тапочками, сонная Тая.

– Дайте кофе, кофе хочу, где кофе?

Рита выключила плиту, пошкрябала лопаткой по сковороде и подвинула тарелку с яичницей к Тае:

– Поешь.

Тая поморщилась:

– Жирного с утра, не, ты чё, кофе хочу.

Тая увидела банку с кофе и полезла за ложкой.

– А бутер будешь? Сыр есть.

– Не.

– Тост хотя бы съешь.

– У тебя тостер есть? Фига ты мажор.

– Хозяйский.

– А блестит, как нулячий.

– Сыр можно было в яичницу покрошить. Тот же омлет бы получился. Только вкуснее.

Галя посмотрела на часы:

– Я помоюсь схожу быстро. Полотенце там какое-то висит, я его в корзину потом брошу.

– Да у меня чистых полно, – Рита встала и пошла к шкафу в прихожей. Галя за ней. – Держи.

– Спасибо, я мигом.

Рита вернулась и села за стол.

– А ты почему этим занимаешься? – спросила она Таю.

– Чем?

Рита обвела вилкой круг в воздухе:

– Этим. Кураторством. Акционизмом.

– Онанизмом. Не знаю. Весело бывает.

– А бывает, что не бывает.

– Ну, типа того.

Рита прищурилась:

– Танька не выдержала, например.

Тая дёрнула плечами:

– Ну, да. Фиг знает. С одной стороны: работа, как работа. Вон, девчонки аниматорами прыгают. В ростовых куклах потеют. И ничего. С другой… У Янки крыша слетела. Только есть ли связь? Мне она не отчитывалась. Может, она и во «Вкусочке» бы взбесилась? Менеджера во фритюрницу…

Рита хихикнула:

– «А теперь достаточно прожарено?»

Она показала будто кого-то окунает головой. Тая тоже прыснула:

– Ага. Касса свободна.

Рита посмотрела на мобильник:

– Текст прислали.

– Зашибись, – безразлично бросила Тая. – Сколько градусов на улице?

– Девять.

– Нормально.

– Точно? Дать чё-нибудь потеплей?

– Гхамаши? «Гхаля, гхде гхамаши?»

– «В гхардеробочной».

– Ха! А, да-да, гардеробочная. Лифтовая.

– Пфхх. Пойду одеваться.

Рита выползла из-за стола. От сидения с подвёрнутыми под себя ногами начинались мурашки.

– Я ещё тост сделаю? – спросила разрешения Тая.

– Да. Потом выдернешь из розетки, говорят они взрываются.

Тая округлила глаза:

– Чооо?

– У знакомых разлетелся, так что я стремаюсь. Включенным не держу.

– Фигасе.

Рита встретила Галю возле уборной.

– Я кинула полотенце туда, – она показала.

Рита кивнула.

– Мыться будешь? – спросила Галя.

Рита задумалась. Галя опередила:

– Если будешь, давай быстрей.

– Не, не буду, – решила Рита. – Ты на кухню? Спроси у Тайки.

– Не буду, она вечно телится по полгода. Я лучше волосы посушу. Есть фен?

– Точно, извини. Вон, в том шкафчике.

– Спасибки.

Галя опять скрылась в ванной. Рита побрела одеваться. Прителепалась Тая и стала возиться рядом. Рита опрокинулась спиной на кровать и поднесла к глазам смартфон. Было четыре пятнадцать утра. Рита скопировала сообщение, присланное организатором, в новую эсэмэску, дождалась, когда часы показали «4:20», нажала конвертик и тут же отправила тот же текст по другому номеру. Она посмотрела на подруг: они тоже отправляли эсэмэски своим подопечным.

– Звонить? – спросила Рита.

– А как договаривались? – напомнила Галя.

– Что напишу.

Галя показала мимикой: так какие, мол, могут быть вопросы?

– Ну, не знаю, – с сомнением проговорила Рита.

– Придут, не парься.

Рита задумалась:

– Странно всё это.

– Так, давай не тормозить, пошли, нам шкондылять полчаса.

– Я такси вызову.

– Ммажорка, – с уважением прокомментировала Тая.

– Пока оно приедет, мы опоздать можем, – возразила Галя. – Нельзя, чтобы дети раньше нас пришли.

На странице приложения значилось: «Водитель Замир. Ожидайте прибытия через 23 минуты».

– Двадцать три минуты, – упавшим голосом прочитала Рита. – Ладно, айда жопы морозить.

Девчонки обулись, надели куртки (Рита выбрала свою особенную с перешитым передним карманом) и вышли из квартиры. Рита повернула ключ и сунула в карман. Проверила, на месте ли смартфон. Заметила, что на экране высветились два ответных сообщения: «Иду» и «Я вышел».

Было свежо, но сухо. Абсолютная тишина городской окраины умиротворяла и пугала одновременно. Подруги тоже вели себя встревоженно и осторожно. По дороге почти не разговаривали, озираясь и держась в тени. Рита представляла, как в свою очередь разбуженные и взбаламученные ею школьники пробирались по спящим домам к выходу и уходили в ночь брести по подворотням. В эсэмэсках кураторы советовали детям с шумом захлопнуть двери, чтобы перепуганные родители проснулись и начали их искать, ничего не понимая. До этого в закладах им были переданы новые сим-карты, так что дети оставались на связи с организаторами, не опасаясь лишних звонков. Покинув дома, школьники одиноко брели по тёмным улицам на встречу с друзьями по переписке, доверяя жизни неизвестно кому, пытаясь тем самым как-то повлиять на не устраивающую их действительность.

– Похоже, первые, – выдохнула с облегчением Галя, вглядываясь во тьму, – сядем на остановочной.

– У всех на виду? – перепугалась Тая. – Как на витрине!

– Трое – уже толпа. Не прицепятся. А вот мелким, зато, так проще будет.

Они пошли. От лавочки в стеклянном коробе остановки осталась лишь одна длинная жердь. Девчонки сели на неё, прижавшись друг к дружке. Долго ждать не пришлось, послышались шаги, сопение, и кто-то неподалёку громко высморкался. У Риты на телефоне загорелось сообщение: "Я пришёл". Она поспешила к нему под фонарь:

– Давид? Привет. Всё нормально? Как ты?

– Здравствуйте. Да, всё норм.

В течении нескольких минут подтянулись остальные ребята. Обошлось без эксцессов, все выбрались из домов, не вызвав подозрений или погони.

До заброшки пришлось ещё идти минут двадцать. Школьники молчали. Галя сказала пару слов про китов, какой это страшный диагноз для планеты, когда столь красивые и крупные звери в отчаянии выбрасываются на берег. Типа, у них не осталось инструментов воздействия. Какими бы киты ни были большими и умными, единственным средством достучаться до жадных взрослых людей

остался акционизм, трагичное концептуальное искусство, когда сам художник становится частью проекта. Пусть печального, но зато громкого, мимо которого уже никому не удастся проскочить.

Возле заброшки их встретила Юля, помощница Хабировой.

– А тётя Ася где? – спросила Галя у неё.

Юля показала взглядом на заброшку. Хабирова стояла с фотоаппаратом на балконе на третьем этаже и разговаривала по телефону. В пять утра. Рита сказала своим:

– Это Юля, наш организатор. Она скажет, что делать.

Школьники кивнули. Рита оставила их и пошла к чернеющему входу, перед которым кто-то разобрал бетонную лестницу, взобралась по торчащим арматуринам в подъезд и определила, где лестничный пролёт. На выщербленных ступеньках, поднимаясь на третий, она включила видеосъемку на своём смартфоне и сунула его в специальный нагрудный карман куртки. Линза камеры оставалась едва прикрытой свисающим клапаном кармана, так что телефон оставался почти не заметен. Рита пересекла засыпанную стеклянными осколками комнату, вышла на балкон и облокотилась на тонкое ограждение рядом с Хабировой.

Внизу, на асфальте бывшей парковки, жирной белой линией был нарисован многометровый силуэт кита, слегка светящийся в отблесках фонарей.

– Ого, – оценила Рита. – Вы нарисовали?

Хабирова быстро взглянула на неё и подняла фотоаппарат, прицеливаясь.

– Нет, – ответила она. – У Юли подопечная в художке учится.

Юля тем временем согнала школьников в центр «кита». Хабирова рукой показала им, куда подвинуться. Когда место определили, Юля положила всех спиной прямо на асфальт. Те слушались. Тёмная клякса лежащих вповалку детей расплылась по серому фону.

Рита ухмыльнулась:

– Кровоточащее сердце?

Хабирова щёлкала затвором.

– Навроде того.

Рита заметила:

– Асфальт синеватый.

Хабирова парировала:

– Ничего страшного, контур же белый.

– Может, залить асфальт кое-где белилами?

– И так сойдёт, – отмахнулась Хабирова, но вдруг выплеснула: – Долбаный Оке Ан со своими «синими китами», всю концепцию нам заруинил, гад! Хотя, пусть. В ноябре снежок выпадет, будем ногами китов вытаптывать – никто не ошибётся с цветом.

Рита предложила:

– Я подумала: может, дизайн изменить? Взять кита, который в природе исключительно белый. Для ассоциативности. Белугу или белуху, как их там…

В Хабировой проснулся интерес профессионального вербовщика:

– Ты дизайнер что ли?

– Да, нет.

– А, тогда забей. Белые киты на дельфинов похожи.

– Ничего страшного…

Хабирова не согласилась:

– Смысл в китах, а не в дельфинах. Символ. Думаешь всё так просто? Чтобы синих китов из общественного сознания вытравить, саму Пискову к пиару подключили. Знаешь, небось, о ком я?

Рита знала. И повеселела.

– Да-да, гы, «судопроизводство». Это я помню.

– Ой, такая умная? – среагировала Хабирова. – Думаешь, она сама тексты пишет? Случайно ошибки допускает? Да у шишек такого полёта над каждым словом целая команда профи корпит.

Хабирова заметно обиделась. Это она что ли «соцсети» Писковой вела? Вот такими крючками, видимо, и можно было разговорить эту скрытную женщину.

– Как над нашими текстами? – продолжила выпытывать Рита. – Ну, над теми, что мы ребятам отправляем?

– Ну, не я же их пишу. Заказчик присылает.

"Будто почувствовала приманку. Ловкая", – подумала Рита с уважением.

– А кто заказчик? – спросила она.

Хабирова секунду смотрела на неё, потом отрезала:

– Отпускай своих, закончили, – и крикнула вниз: – Всё, закругляемся! Все молодцы!

Рита обернулась в проёме, хотела подождать Хабирову и спуститься вместе с ней, но та начала звонить кому-то, увидела, что Рита ещё здесь, и сделала такое гневное лицо, что испытывать судьбу Рите не захотелось.

Школьников разбивали по парам кураторки. Рита подошла к своим:

– Идите домой. Сегодня же ваша акция попадет в СМИ. С родаками не разговаривайте, кричите, что они не понимают вас и накрывайтесь с головой одеялом. Или наушники втыкайте и слушайте музыку.

– А если ментов вызовут? – шмыгая, спросил пацанёнок.

– Не вызовут. Связываться с копами они боятся больше, чем вас потерять. Давайте. Пока.

Ребята побрели кто куда, а Рита подошла к Гале:

– Ты ко мне?

– Не, я домой.

– Ладно, увидимся.

– Наверно.

– Пока, – сказала ей Тая, становясь рядом с Ритой.

– А ты? – узнала у неё Рита. – Ко мне?

– Конечно. У тебя даже рюкзак мой, кажется.

– «Кажется». Студентка.

– Ой, да чё там…

Рита посмотрела по приложению ближайшее такси.

– О, семь минут, – приятно удивилась она, – пошли на дорогу, пусть нас подберёт.

– Каеф, – обрадовалась Тая, – ноги отваливаются.

Едва доехав, они рухнули дрыхнуть, решив проигнорировать первую пару. Но пойти на занятия сегодня у них так и не получилось. Часов в девять утра Риту растолкала Тая.

– Тётя Ася звонила. Подработка есть. Чё-то серьёзное. Зовёт. Идёшь?

Рита не хотела, но Хабирову нужно было дожать. Рита уже почти понимала, какая картина вырисовывается, но оставалось пару штрихов.

– Ладно, – сказала она, – пойдём.

Когда Рита вышла из ванной, Тая гуглила маршрут до магазинчика «Ота-кун» в столице.

– И что там?

– Аниме.

Рита села рядом с ней.

– Аниме?

– Ага.

– Каким образом экотерроризм связан с аниме?

– Похоже, новый «гром». Подготовка, точнее.

– Хмм. А в чём его смысл будет?

– А я откуда знаю? Ася о таком не пишет. Просто предполагаю. В прошлый раз, когда мы внезапно переключились на новый объект травли, оказалось, что Громовский так решил.

– На экоактивистов?

– Да-сь.

– А до этого чё делали?

– До этого… – подняла к потолку глаза Тая, вспоминая, – …митинги устраивали. В посольства краской кидали. Кстати, об аниме — и в японское тоже. Может, щас конкретная травля всего японского будет?

Рита незаметно включила запись звука на смартфоне.

– Это был второй «гром» получается? Травля… кого? Какие посольства?

– Нууу, западных стран.

– Всех? Или кто блокировал форсирование Евфрата?

Тая скосила взгляд.

– Чего? Я что тебе – географ? Форсирование…

Рита переоценила Таю. Сменила тактику.

– Ну, а какие лозунги были на митингах?

Но доверительность беседы пропала.

– Да, не помню я! Поехали.

Рита вздохнула и выключила диктофон. Они собрались. Вдруг Тая сказала на пороге:

– Я вспомнила. Верно, было про Евфрат.

Рита украдкой включила камеру на телефоне и сунула его в карман.

– Типа, кто против твоего "форсирования" Евфрата, тот против дружбы народов, – продолжила откровенничать Тая. – Мы их в расизме обвиняли.

– Кого именно?

– Израиль. Японию.

– Америку?

– Штаты, само собой.

– Первый враг.

– Это да. Разнаилюбимейший.

Они спустились в лифте и пошли к такси.

– Я ворвалась прямо в гущу всех этих акций, там, листовки, плакаты, пикеты, штурмы посольств, всё на виду, всегда рядом журналисты, конвой силовиков, – рассказывала Тая, увлёкшись воспоминаниями. – А тут вдруг – р-раз – и всё. Всё по-другому. Тайком ночью, какие-то переписки со школотой, кураторства эти. Это было как… ну, резкий такой переход.

– Контраст.

– Да. И вокруг все, типа: «Третий гром, третий гром». Ну, я и сложила один и один. К тому же по федеральным в новостях непрерывно начали твердить про чайлд-фри, что младенцев подсаживают на сыроедение…

– Либерасты.

– Да. Там, западники. А для младенцев это вредно. Что своими бреднями о перенаселении и парниковом эффекте корпораты мешают прогрессу, не дают странам третьего мира развиваться… короче, не хотят добром делиться.

– Что они «скулят про перекрытие Евфрата, как об экологической катастрофе»?

– Не знаю, наверно. Хотя да, что-то такое.

– Перекрытие Евфрата – это перераспределение ресурсов, озеленение пустынь и плюс для экологии. Те, кто спорит с этим, тот явный расист и антигуманист. Это главные тезисы новостей.

– Я телек не смотрю, не знаю.

– Ты же говорила про Громовского. Откуда ты тогда всё это узнала?

– Услышала где-то. Не знаю. Ну, это же понятно – «гром» – Громовский.

– А кто это, ты знаешь?

– Нет. Депутат?

– Ага, почти. Это главный по пропаганде. Все СМИ у него в кармане.

– Министр что ли?

– Нет, кагэбэшник. Министры – это так, винтики. Всё поделено между несколькими стариками.

– Я не шарю, сорян.

– Да нет, ты молодец, много знаешь.

– О, спасибо.

Пожалуйста, подумала Рита. Если учесть, что в нашей системе координат «много знать» звучит как приговор.

Они подъехали к «Ота-куну». Перед витриной магазинчика уже собралась дюжина человек. Неподалёку разговаривала по телефону Хабирова, рядом с ней скучал телеоператор, и тёрлись несколько полицейских. Собравшиеся были, в большинстве, женского пола, весьма великовозрастные, и держали плакаты. На одном из них Рита различила перечёркнутую пентаграмму, и сердцебиение её ускорилось.

Хабирова увидела девчонок и направилась к ним.

– Так, – с ходу начала она, – съёмку внутри мы закончили, перед штурмом надо записать пару интервью. Скажете, как вы разочарованы мангой и культурой виабу, что аниме взращивает так называемых хикикомори, асоциальных изгоев, и насаждает позитивное отношение к демонологии и оккультизму. Перечислите, что японцы во всю рекламируют такие тайтлы, как «Вельзевул», «Сатана на подработке», «Повелитель тьмы», «Дьявол-плакса», в которых владыка бесов предстаёт положительным персонажем.

– Окей, – тут же кивнула Тая.

Рита посмотрела на оператора в спецовке с логотипом центрального телеканала.

– Интервью? Здесь?

– Ну, как «интервью» … Будете стоять среди статистов, как будто пришли на пикет, скажете в микрофон несколько фраз.

– На камеру? Нас покажут?

– Да, естественно. Это будет материал для новостей. Ну, что? Пошли порепетируем?

Хабирова с Таей сделали пару шагов. Рита осталась, замерев на месте.

– Ну? – обернулись к ней.

Рита активно замотала головой.

– Я не пойду, вы что? Светиться не буду.

Хабирова холодно смотрела на неё пару секунд.

– Хорошо. Не хочешь работать языком, поработай руками. Езжай к Гале, она витрину монтирует, поможешь ей. – Она поклацала ногтями о смартфон. – Всё, адрес я скинула. Мы здесь закончим и приедем к вам. Чёрт, придётся, другую девчонку искать. Таня согласится, какдушвшвшв?.. – начали беседовать Хабирова с Таей, удаляясь.

Рита посмотрела геометку в навигаторе. Поснимать штурм бедного аниме-магазинчика было соблазнительно, но вообще-то она давно уже подбивала клинья к Гале, собираясь расспросить её про первый «гром». Галя была одна из старейших сотрудниц Хабировой (хотя ей от силы было лет двадцать пять) и многое знала. Рита была уверена, что ассоциировать их деятельность с Громовским и его «громами» Таю научила именно Галя. Она явно очень многое могла рассказать. Возможно даже – вывести на заказчика.

Рита быстро доехала на такси и позвонила Гале.

– Ща встречу, – сказала она в трубку, – стой.

Распаренная закутанная в плащ Галя, пикнув ключ-картой, завела Риту в пустое офисное помещение, где в углу были свалены какие-то коробки и рулоны. Посередине комнаты лежали пару коробок, стопка стёкол и зеркал, горстка шурупов и связка металлических реек. К стене был прислонён полусобранный каркас стеллажа.

– Я почти разобралась, – пояснила Галя, – надо вот так.

Она показала несколько фоток на экране смартфона. Там в разных ракурсах запечатлевался стенд с тематическими товарами для анимешников: фигурками, дисками, журналами.

– Это из «Ота-куна»? – спросила Рита, догадавшись.

– Откуда на?

– Ясно. – Галя делала вид, что не в курсе. Пускай. – А масштаб как определить?

– Во-первых, видно же по фотке. Вот танкобон, – Галя достала из коробки томик манги, – верхний край до следующей полки где-то на пятую часть не достаёт. Вот так на глаз и крутим.

– А во-вторых?

– А, во-вторых, уже дырки просверлены, так что бери, что есть, и крути.

– Ясно.

Рита сняла куртку и повесила на приоткрытую внутреннюю дверь, бросив сверху на Галин плащ.

– А скинь мне фотки, – попросила Галю.

– А, да, держи.

Рита включила запись диктофона, свернула в трей и открыла присланные фотки. Затем взяла в руки металлическую рейку и подумала, что из похожего материала могла быть сделана конструкция, на которой погибла Яна.

– Это мы, вообще, что собираем? На экоактивизм как-то не тянет.

– Угу.

– Так мы вообще-то детишек курируем. Всё, удалять их из контактов?

– Я не знаю. Подай стекло. Ася с утра позвонила, срочно переобуваемся, говорит.

– Новая фаза?

– Какой-то новый план, многоходовочка, мегастратегия, как всегда.

– Как всегда. Так пойдёт?

– Плотней.

– Я видела репортажи с нашими подопечными.

– Да? И как тебе?

– Ну, я своих загуглила. Их предки и близко не экологи, а всё равно в новостях по «белым китам».

– Ха-ха, блин, ну, ты даёшь. Кто ж новостям верит? Когда «синие киты» появились, то…

– «Группы смерти»?

– Да-да, блогер Оке Ан, паблики «Ня, пока», вот это вот всё, я, блин, подай винтик, я как раз смотрела разбор этой движухи. В связи с их активностью журналисты наехали на нетсталкеров, мол, это вы воду мутите, детей губите. И они в шоке начали параллельное расследование проводить. Подержи вот так. И

выяснилось, что девчонка, как там её, вот эта самая «Ня, пока», вот, она бросилась куда-то, и Ан запостил, типа, это он её довёл…

– До жизни такой.

– Ну, да, только наоборот. А в новостях уже оказалось две девочки «Ня, пока», однако доказательств причастности к их смертям «синих китов» не было вообще. Там этих детей вешается по семьсот человек в год у нас. И гибло не меньше ещё до всяких Оке Анов. И, короче, факт оставался: СМИ приписывали «группам смерти» два случая суицида. Ага. И сестра тут рассказывает мне, что провели у её сына в школе экстренное родительское собрание и сказали, что погибло уже двадцать детей, мол, будьте бдительны.

– А сколько времени прошло, может…

– Да там неделя, может. Ну, вот, самая волна всего этого хайпа как-раз была. Так это только начало. Я как раз практику проходила, на втором или первом курсе, не помню, можно посчитать. И меня колледж отправил в музей. Я там тусуюсь, балду пинаю, скучно, стала перебирать брошюрки над входом. И среди них (что ты думаешь?) одна такая стрёмная, сразу видно пропагандистская, супердешёвая, и заголовок: «Катастрофа! Кураторы в Интернете склонили к самоубийству уже двести человек! Следите за своими детишками» …

– «Не пускайте их дальше телевизора».

– Да, и, это, потом у нас, значит, урок. Педагоги тоже уже накручены, там у них планёрки, мозгомойки, всё такое, и одна преподша с глазами по пять копеек нам кричит: кошмар, в этих «интернетах» погибло уже две тысячи подростков!

– В «интернетах». Может, она видеоигру имела в виду?

– Ставим. Нет, стой, забыла, давай обратно. Потихоньку. Кратность, сразу бросается в глаза, да? Начали с двух, и каждый раз, каждый новый испорченный телефон, по нулю добавляли. А ты говоришь. Всё схавают. Скажешь, что твои подопечные – это дети рептилоидов, и за милую душу. Без тебя всё докрутят, допридумают, передадут кому надо. Телек – это ж просто, блин, я не знаю…

– Вирус?

– Вирус. Спидозник, к которому лучше не приближаться. Знаешь, как нам в детстве про одно здание говорили: это тубдиспансерная. И мы рядом с ней старались не дышать. Я до сих пор, когда мимо прохожу, дыхание задерживаю.

– Ахах.

– Но, конечно, интересно видеть механику пропаганды изнутри. Понимание хоть какое-то приобретаешь. Сам уже не ведёшься.

– Ты ж с самого первого «грома» с тётей Асей?

– Да, лет десять уже.

– А что там были за акции?

– Мои самые первые?.. Пу-пу-пу… А, ну, как раз «четыре царя-ангела» объединились. Вот мы и ходили с плакатами в поддержку.

– Типа, не мешайте форсировать Евфрат?

– Не, это потом было. Озеленение пустыни, двести миллионов воинов целины.

– Второй «гром»?

– Да. Кажется. Второй «гром» уже задевал экологию, а в первом, на мой взгляд, ничего такого не было. Только политика, экономика. Геополитика. Западные жители назывались сатанистами, потому что они отвергли «традиционные ценности» и стали превозносить многогендерность. Мы это на митингах и в статьях связывали с желанием западных режимов навязать Востоку статус сырьевого придатка. Американцы захватили все ресурсы и впаривают остальным странам культуру чайлд-фри, чтобы и дальше доить медведицу. А медведицу, как бы, доить опасно.

– Как раз выборы были?

– Ага, Иблиса нашего называли ангелом. Четыре, блин, ангела. Китаец, араб, индус и русский.

– Перс.

– Да какая, на фиг, разница, кринжуха всё одно знатная. Прикинь, как сложно было в позитивном патриотическом ключе всё это подавать? Но ничего, справились.

– Схавали?

– Аж за щеками трещало. Благо выбора особого не было. К тому времени в политике у нас уже было выжженное поле. Там какие-то оппозиционеры карманные оставались, мы против них акции устраивали. Было просто. Но вот союз «четырех царей-ангелов» на серьёзных щах продавать – вот то была задачка. «Йог», «винни-пух», «джихадист» и «иблис». Команда будущего. Если б

второй «гром» вовремя не разыграли, провалилась бы затейка. Тема с озеленением пустыни хорошо зашла. Евреи, конечно, верещали, что, если Евфрат перекроют, то вся двухсотмиллионная армада союза прямиком к ним направится и Израиль затопчет, но второй шелковый путь, как инфоповод, оказался мощнее.

– И чё, Хабирова аж на Ближний Восток ездила?

– Да ну, ты чё, брось. Кого там. Тут работали с тем, что есть. Вообще не парились. Посильней затяни, чё ты её держишь, как смычок.

– Да, стараюсь. Я, вообще-т, не плотник. Ну, а тема с сатанизмом во что-то вылилась? Долго юзалась? Может, какие-то конкретные примеры использовались, как доказательства? Ну… знаешь, типа провокаций?

– Подлоги? Конкретно по сатанизму не припомню такого.

– Я знаю, недавно Тая с Таней что-то похожее делали.

– Я не в курсе. Обвинить Запад в сатанизме – это же джокер в колоде. Такой, как бы, самый крайний аргумент в споре. Его постоянно где-нибудь пропагандисты могут применять, но не слишком серьёзно. Вполне допускаю, может, и было что, но я об этом не знаю. А они чё, сами не говорят?

– На Таню это сильно повлияло, она не хочет больше ни в чём участвовать.

– А-а, ты про ту Таню… Ну, ясен пень, – Яна погибла.

– Думаешь, она её смерть видела?

– Н-нет. Не думаю. Она вроде свидетелем по делу не проходила. Я слышала, что Яна взбесилась, они с Таей испугались, бросили её одну, и в ту же ночь Яна с балкона сиганула. Понятно, что Таня себя винит.

– Да, то же и они мне рассказали.

– А ты чё думаешь, там ещё что-то было? Ставим.

Они потянули на себя верх стеллажа, и он, покачнувшись, замер на полу вертикально.

– Кажись, готово, – сказала Галя.

– Всё? – Рита отряхнула ладони друг о друга.

– Нет, ты чё? Теперь надо выставить на полки содержимое этой коробки так, чтобы было как на фотках. А между ними втиснуть в рандомных местах содержимое, вот, этой коробки.

Девчонки довольно быстро заполнили стеллаж отаку-атрибутикой и склонились над вторым ящиком.

– Что за жуть?

Рита поднесла к лицу, рассматривая, декоративный гробик размером со спичечный коробок. Галя вытащила из коробки миниатюрных чертенят.

– Вот, тебе и сатанизм, – хихикнула она, размещая их на полках.

Галя взяла из руки Риты гробик и тоже примостила куда-то между фигурками. Потом выудила из коробки диск с овашкой «Чёрной Библии» и поставила на видное место между остальной видеопродукцией.

Рита выпрямилась.

– Я поняла. Ася вмонтирует этот фейковый стеллаж в репортаж про тот безвредный магазинчик?

Галя пожала плечом:

– Похоже на то.

Рита покивала своим мыслям:

– Ясно. Ладно. Мне этого достаточно.

Она пошла к двери и надела куртку.

– Ты куда? – оторопело окликнула её Галя.

– Галь, увольняйся. Как тебе не противно этим заниматься?

– О, ещё одна, – Галя махнула разочарованно рукой, – проснулась.

– Как знаешь. Пока, Галь.

– Бывай.

Рита остановила запись и вызвала такси. До колледжа она добралась минут за сорок и сразу направилась к каптёрке завхоза. На её стук изнутри тотчас отозвался голос Дэна:

– Входите!

Дэн не ожидал её увидеть, но обрадовался.

– О-о, Маргарита батьковна, и без охраны?

Рита плотно прикрыла дверь и села на стул рядом.

– Я прекращаю расследование, – заявила она.

Дэн поднял брови:

– А что так? «Ввиду недостаточности улик»?

– Улик хватает. Я сделала выводы, и дальше копать не вижу смысла.

Рита достала из мобильника флэшку и протянула ему:

– Вот. Всё здесь.

Дэн желал подробностей:

– Что – "всё"?

Рита молчала, держа щепку на весу. Дэн вздохнул и забрал её. Достал переходник для ю-эс-би-входа и, кряхтя, нашёл гнездо в системнике. Экранный менеджер автоматически открыл окно с несколькими папками.

– Куда? – спросил Дэн, вооружаясь курсором.

Рита проелозила колёсиками стула по полу:

– Ну, тут надо разбирать: здесь и видео, и аудио, и фотки, и тексты.

Дэн недовольно убрал руку от мышки:

– Мне рассортировать? Или что?

Рита откинулась на спинку:

– Как хочешь, мне это больше не нужно.

Дэн повернулся к ней:

– Ну, можешь хоть вкратце объяснить, что ты выяснила? Я, конечно, покопаюсь, только с чего начинать?

Рита показала ладонь, мол, не нервничай:

– Ладно, ладно. Смотри, короче. Тая с Таней ничего не видели. Они испугались Яны и убежали, решили не возвращаться.

– Или так они решили всем говорить, – скептически заметил Дэн.

– Не важно, они бы всё равно увидели то же, что и мы. Важнее то, почему они там оказались.

Дэн поделал пассы в воздухе, разгоняя её:

– Ну! Не томи!

Рита набрала воздуха, но промолчала и медленно выдохнула. Произнесла:

– Я не знаю, как тебе объяснить, чтобы ты согласился с моим умозаключением.

Дэн усмехнулся:

– Так имя конкретного преступника ты не знаешь?

– Знаю! – пылко воскликнула Рита. – Преступников. В-общем, для девчонок этот ритуал, и что там они делали, не был чем-то необычным. Они привыкли участвовать в подобных флешмобах, концептуальных артах, мероприятиях с таким, вот, налётом странной безуменки.

– Чё…

– Они подрабатывали акционизмом, и задания попадались ещё страшнее и страннее. Уж поверь мне, я тоже с ними поработала.

Дэн потёр лоб:

– Во-первых, – чем, ты сказала, они подрабатывали? А, во-вторых… Ты устроилась на работу к тому, кто заказал девчонкам заделать тот кровавый шабаш?

Рита помотала головой:

– Не к тому, кто заказал, а к тому, кто организовал.

– Посредник?

– Ну, исполнитель. Тётя Ася. Некто Анастасия Хабирова – грязные руки Громовского.

– Что за тип?

– Не знаешь Громовского?

– Вроде нет.

– Да знаешь, наверно. Отец русской пропаганды, рупор кремлёвской идеологии.

– У Кремля есть идеология? – сыронизировал Дэн.

– Есть, конечно, – на голубом глазу тараторила Рита. – И он её доносит с помощью СМИ и, в частности, таких массовиков-затейников, как «тётя Ася».

– Но это частное лицо? – спросил Дэн, перебивая.

– Кто? – не поняла Рита, сбившись.

– Тётя Ася твоя. Как там её?

– Хабирова? Ты о чём?

Дэн сцепил руки на колене и начал внушать:

– Я знаю этот ваш акционизм. Когда я учился в универе, вот такие «тёти Аси» ходили по общагам и платили студентам за участие в демонстрациях, расклейке листовок, постоять флаеры пораздавать. Я проходил это всё. Разные частные инициаторы (они ещё громкие названия себе берут: политтехнологи, пиар-менеджеры) предлагают свои услуги политическим акторам, руководят штабом, получают гонорары, а потом спокойно переходят к конкурентам. Даже в разгар предвыборной гонки. У нас был такой агент, по кличке Гном, мелкий скользкий гад, лично мне однажды заплатил, чтобы я на пресс-конференции Ялтинского разные правильные вопросы позадавал, а потом, он же, мне участие в марше нашистов предлагал.

Рита цокнула:

– Да, это не то! У Хабировой конкретные заказы на формирование повестки. Вот открой фотки. Дальше. Нет, верни. Блин. Короче, найдёшь там. Мы заставляем ребят на крыше собираться, типа требования к родителям «прекратить над ними издеваться», и тут же в независимой, казалось бы, газете выходит статья про то, что либералы доводят детей до самоубийств. И куча таких материалов! Хабирова работает именно с детьми и студентками. Это особый навык надо иметь. И жёсткий иммунитет к правосудию. Ты бы видел: у неё всегда есть какие-то профессионально отредактированные тексты, связи во всех сферах общества, её всегда крышуют и защищают копы, телевизионщики на подпевках, у неё полно реквизита дорогостоящего. Вот, сегодня, например, она согнала к

задрипанному магазинчику толпу тёток с транспарантами и оператора с федерального канала. И пока они снимали, как толпа негодует по поводу сатанинского контента внутри магазина, мы тем временем этот самый контент делали. Кто-то ей уже всё померил, купил, привёз, помещение предоставил, – нам нужно было только сделать полочки, точно, как в магазине, расставить на них фигурки демонов, оккультную всякую атрибутику, чтобы она это пофоткала и прифотошопила к операторской съёмке. И по новостям покажут, что какое-нибудь «ЧВК Рёдан» – это, на самом деле, не прикол анимешников, а самое настоящее сатанинское отродье. Такие вещи кому ни попадя не поручают!

Дэн не купился:

– Тебе ж поручили.

– У меня свои методы втираться в доверие.

Дэн побарабанил пальцами по столу.

– Пу-пу-пу. Ну, и что, ты думаешь: убийца – это сам Громовский?

– Громовский – это рупор. Исполнитель.

– Да что у тебя все исполнители! Заказчик-то кто?

Рита хлопнула ладошкой по столу.

– Ты чё, вообще, тупой?! Правительство, кто ещё! Система! Заказала обвинить кого-то в сатанизме, Хабирова организовала, но что–то не по плану пошло. Тактическое отступление, перегруппировка, и сегодня опять начали акции против сатанизма устраивать, но уже по-новому. Этот почерк легко читается: задание, потом статья в газете, потом статья в законе. Так всё устроено! Столько лет, сколько служба внешней разведки у власти! Вот, на кого я вышла! Мне этого достаточно. Я закругляюсь.

Дэн посидел, почёсывая бороду.

– Правительство?.. Я не наблюдаю связи что-то…

– Связь есть, только она не на поверхности. Вот, с «группами смерти» увидел бы связь? А ведь именно с их помощью начали ограничивать в правах пользователей Интернета, навязывать провайдерам отслеживающее оборудование, воплощая Мечезовскую мечту…

– Чью?

– Ты серьёзно? Мечезов, Тороков – главные люди в стране. Тороков – нефть, Мечезов – росвооружение.

– Развооружение?

– Оборонка.

– Откуда в тебе столько конспирологии?

– Эмм… Папа рассказывал.

– И мечта главы развооружения – это…

– Информационный купол над всей страной. Ты, не забывай, там все из разведки. А у чекистов своя логика.

– Господи, дитя, завязывай с политическими ток-шоу.

– Чтобы что? Дефилировать?

– Эу, полегче с выражениями…

– Меня с шести лет папины любовницы нянчат – спасибо, насмотрелась на их жизнь. Так же, как они, я не хочу.

– Извини, я шучу.

– А мне не до шуток. Яна погибла, чтобы красные старпёры, ностальгирующие по Совку, могли навязать Иблису социальный рейтинг, как в братском Китае. Четыре, мать их, ангела.

– По-моему, ты торопишься с выводами. Есть такой термин – «юношеский максимализм».

– Как знаешь. Я пошла.

Рита с шумом откатила стул, вставая.

– Подожди, – попросил Дэн. – А можешь написать мне номер этой тёти Аси?

Рита подумала, потом полезла в телефон.

– Сюда, – Дэн подвинул к ней записную книжку.

– Валяй, – сказала Рита пренебрежительно, вдавливая шарик ручки в бумагу, – звони. Можешь передать привет.

– А сказать, что ты пойдёшь свидетелем в суд, можно?

Рита изогнула бровь.

– Шантаж? Это по-нашему. Оставь тогда флэшку себе. Только лучше брось это дело. А то, глядишь, и участь Яны покажется не такой уж пугающей.

Она развернулась к двери.

– Рит, – позвал Дэн.

– Да?

– Сможешь на людях мне не «тыкать»? Хотя бы в колледже?

Рита приложила пальцы ко лбу и козырнула по-американски.

– Есть, сэр.

Дверь за ней закрылась. Дэн придвинул к себе блокнот и рядом со словом «хабирова», оставленным рукой Риты, написал: «анастасия». Подумал и перенёс данные в телефон. «Рита – девчонка, конечно, умная, – размышлял он, – но полагаться на её подростковую импульсивность, как на истину в последней инстанции, не следовало». Однако истину узнать Дэну всё же хотелось. Настолько, чтобы взять телефон и угрозами заставить Хабирову сдать заказчика? В принципе, (Дэн стал исследовать данные с Ритиной флэшки) материала здесь, действительно, много. Если Хабирова, и правда, ручная собачонка серьёзных лиц из администрации президента, то ходить налево ей, скорее всего, нельзя. А Яна погибла явно в какой-то левой шабашке, в которой Хабирова даже разбираться не стала. Передала работницам инструкции и забрала гонорар. А то, что работницы ещё вчера пешком под стол ходили, не учла. А, вот, интересно, если Хабирова расколется, собранного Ритой компромата хватит, чтобы шантажировать ещё и заказчика?

Дэн погрузился в чтение данных, решив, как следует, подготовиться перед тем, как выслать «тёте Асе» копию компромата.

Продолжение следует...